

НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»
Выпуск 125

ПЕЧАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

МОСКВА

2023

Главный тезис, с которого начал свой доклад профессор Л. Григорьев на очередном заседании Никитского клуба: «Нет экономики, кроме мировой экономики». «Печальное состояние» которой состоит в том, что «преподавать её ещё можно, а применить уже трудно». Не пора ли экономистам задуматься, решает ли мировая экономическая наука мировые задачи?

По собственному признанию, докладчик пытался открыть ящик Пандры — помогли ему это сделать другие участники заседания. Экономическая наука утратила не только силу обосновывать и проводить крупные проекты, она утратила основные признаки науки — предсказательную и объяснительную силу (А. Привалов). Состояние экономической науки в немалой степени определяет и внутридисциплинарный дискурс — масса разнородных школ экономических теорий, между которыми нередко «идёт борьба на взаимное уничтожение» (А. Шаститко).

Вместе с тем, почему экономика как наука должна обладать предсказательными способностями и давать рекомендации, что делать, а не просто объяснять то, что происходит? (Е. Устюжанина, Р. Гринберг) Да и вообще, говорят, что экономисты предсказали десять из последних трёх кризисов, поэтому всё с экономической наукой нормально (А. Саватюгин). Мир несовершенен, и в этом смысле экономическая наука полностью соответствует нашему миру (А. Привалов).

Заседание

Печальное состояние мировой экономической науки

Доклад профессора НИУ ВШЭ Л. М. Григорьева и обсуждение темы

26 сентября 2023 г.

Автономов Владимир Сергеевич, член-корреспондент РАН, профессор факультета экономических наук НИУ ВШЭ, доктор экономических наук

Бобылёв Сергей Николаевич, заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, доктор экономических наук

Горелик Александр Семёнович, эксперт по международным организациям

Григорьев Леонид Маркович, научный руководитель, профессор факультета мировой экономики и политики НИУ ВШЭ

Гринберг Руслан Семёнович, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН, доктор экономических наук

Громов Василий Александрович, заместитель руководителя департамента анализа данных и искусственного интеллекта НИУ ВШЭ, профессор, доктор физико-математических наук

Иванова Наталья Ивановна, академик РАН, руководитель научного направления отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, профессор

Перов Максим Вениаминович, советник директора ГАУ «Научно-исследовательский и проектный институт Генерального плана города Москвы» (Института Генплана Москвы)

Привалов Александр Николаевич, вице-президент – председатель Совета Никитского клуба

Саватюгин Алексей Львович, аудитор Счётной палаты Российской Федерации, профессор НИУ ВШЭ

Устюжанина Елена Владимировна, руководитель отделения макроэкономики и моделирования региональных систем ЦЭМИ РАН, профессор РЭУ имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук

Шашитко Андрей Евгеньевич, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

Заседание ведёт **А.Н. Привалов**

А.Н. Привалов, вице-президент – председатель Совета Никитского клуба

Добрый вечер, господа! Открываем очередное заседание нашего клуба, первое в нынешнем сезоне. Сегодня у нас выступает профессор Григорьев. Леонид Маркович назвал своё выступление «Печальное состояние мировой экономической науки, которую преподавать ещё можно, а применить уже трудно». Преподавать можно всё что угодно, как мы все здесь собравшиеся понимаем, а вот насчёт «применить» — да, есть некоторые проблемы.

А.Н. Привалов

Я бы сказал, что действительно с экономической наукой дело туго. И сейчас вот в очередной раз жалуем, что с нами нет Сергея Петровича [Капицы], нашего основателя и президента, который смог бы даже этой похоронной теме придать некую подобающую широту и торжественность. Потому что мне, например, да я думаю, большинству из собравшихся в разговоре об этой теме трудно будет удержаться от разного рода садомазохистских поддёргиваний. Понятно, почему садистских. Потому что премного нахлебались все собравшиеся от плодов экономической науки — или того, что за неё выдавалось. А мазохистских — потому что многие из нас так или иначе к ней прилежали на разных этапах.

На самом деле, положение странное. Леонид Маркович в своём тексте приглашения написал, что экономическая наука утратила силу обосновывать и проводить крупные проекты. Но это, мне кажется, далеко не самое печальное, что о ней можно сказать. Она утратила основные признаки всякой науки. Она утратила предсказательную и объяснительную силу. То, что говорят нам учёные, экономические мужи, с поразительной стабильностью не сбывается в реальности.

Буквально вчера я прочёл какую-то статью, переведённую с немецкого, и ещё раз порадовался. Нам совсем недавно говорили — правильно говорили, все это понимали, — мол, кто вы такие, вы полтора процента мирового ВВП, вас раздавят, никто

не заметит. И это было правильно в соответствии с тем, что мы все привыкли читать и слушать. На практике же выяснилось, что попытка вылущить эти 1,5–2% из европейской, а шире говоря, из мировой экономики, привела к глобальным потрясениям, на порядок превосходящим определённый нам наукой масштаб. Это не было предсказано никем. Вы предскажете?

Л.М. Григорьев, научный руководитель, профессор факультета мировой экономики и политики НИУ ВШЭ

Да.

А.Н. Привалов

Хорошо. Тем более, на мой взгляд, кисло дело обстоит с объяснительной силой. Опять же, сегодня прочёл, что, по оценкам, в текущем году в Российской Федерации прибыль банковского сектора составит примерно 3 триллиона рублей. Примерно, опять же, прибыль «нефтянки» составит за тот же самый текущий год примерно триллион рублей. Налоговое бремя, которое несёт банковский сектор, составляет около 30%. Налоговое бремя, которое несёт «нефтянка», составляет около 80%. Но налог на сверхприбыль будет платить не банковская отрасль, а нефтяная. Это как-нибудь объясняется каким-нибудь течением современной мейнстримной науки? Наверное, никак.

А.Н. Привалов, Л.М. Григорьев

Беда ещё вот в чём. Про экономическую науку очень трудно говорить, потому что она не существует в чистом виде. Можно себе представить сугубо научную, то есть только интеллектуальную, не включающую ничего, кроме интеллекта, дискуссию о геометрии, о неорганической химии. Наверное, даже о ботанике. Представить себе такую дискуссию по экономическим вопросам невозможно. Это одновременно и

смягчающее и отягчающее обстоятельство при разговоре о судьбе экономической науки. Но оно, к сожалению, сегодня является преобладающим.

Сегодня все разговоры об экономике, об её приложении к практике, политизированы уже на 99%. Ничего, кроме политики, уже почти не осталось. Я читаю время от времени интеллектуальные, научные обоснования, почему из всего спектра, например, рычагов денежно-кредитной политики надо использовать только таргетирование инфляции. Я читаю доводы за, читаю доводы против. И мне очевидно, что они не равновесны. Но на реальность эти доводы не оказывают ни малейшего влияния.

О том, как всё это выглядит с более высоконучной точки зрения, я надеюсь, мы сегодня услышим. Я никак не буду стеснять нашего сегодняшнего докладчика в его свободе высказываний, которой он, несомненно, не преминет воспользоваться.

Прошу вас, Леонид Маркович!

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ

***О ПЕЧАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ,
КОТОРУЮ ПРЕПОДАВАТЬ ЕЩЕ МОЖНО
А ПРИМЕНИТЬ УЖЕ ТРУДНО***

WWW.LEONIDGRIGORYEV.COM

НИКИТСКИЙ КЛУБ – 26.09 2023.

Л.М. Григорьев

Спасибо большое, Александр Николаевич. Во-первых, вы понимаете, что мы, экономисты, все выпады лириков и физиков заранее отвергаем, всерьёз принимаем только милые интеллектуальные личности высказывателей, но не содержание этих высказываний. Потому что мы сами по себе. И то, что я сегодня здесь докладываю, — это такой акт «разоблачения магии», которым мне хотелось бы, с одной стороны, сказать кому-то, кроме своих коллег, аспирантов и лучших студентов, что дело тяжёлое: мировая экономика в трудном положении и наука не помогает. Всё-таки надо мировому народу сказать правду.

Был такой поэт Николай Доризо, который, говорят, вошёл в историю с «заявлением»: «Ночью написал стихотворение о любви. Закрыв тему». Большинство лекторов обещают открыть глаза и спасти всех. У меня намерение прямо противоположное — открыть тему о том, что экономисты всё-таки должны задумываться: в парадигме ли Томаса Куна², параллельных ли там исследовательских программ Имре Лакатоса³, — ну хоть как-то решает ли мировая наука мировые задачи? Мы вообще решаем проблемы или не решаем?

¹ Есть также версия, что слова принадлежат поэту Сергею Островому (1911–2005).

² Томас Кун (1922–1976) — американский историк и философ науки.

³ Имре Лакатос (1922–1974) — английский философ венгерского происхождения, один из представителей постпозитивизма и критического рационализма.

Большинство моих слайдов тянут на отдельную лекцию, поэтому всё пересказывать не буду. У меня есть сайт [<https://www.leonidgrigoryev.com>], который совершенно безобиден. Я ничем не торгую, я не блогер, на сайте вывешивается куча моих работ. И если кто-то хочет разоблачить «лженауку», то, пожалуйста, придётся всё это читать, то есть это дорогостоящее по времени мероприятие.

НЕТ ЭКОНОМИКИ, КРОМЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рис. 1.

Это лозунг, который я изобрёл лет 10 назад (рис. 1), департамента мировой экономики «Вышки» [НИУ «Высшая школа экономики»], научным руководителем коего я же и являюсь. На самом деле, это очень важный лозунг, потому что мы, экономисты, находимся всё время между двух огней, потому что прибегают чудачи с криком, что российская экономика вообще ни на что не похожа! И это всё означает, что бразильская тоже не похожа, китайская не похожа, американская не похожа. Индийская не похожа вообще. Но это всё мировая экономика, в ней много разных частей, которые сами по себе не похожи институтами, уровнями развития — по любым параметрам.

Одновременно мировая экономика имеет общие законы — в своеобразии нет полного счастья — это как гравитация. Но вместе с тем это и борьба с сектантами, в том числе сейчас: за последние 50 лет проявился, я бы сказал, такой бешеный прогресс эконометрики. Я восхищаюсь этими людьми, которые всё время гнобят моих аспирантов, которые должны соответствовать высоким стандартам... Коэффициенты уравнений должны быть такие и только такие! Почему такие? Чем отличается, как это влияет — уже совершенно непонятно.

Это притом что у меня в 1968 году в дипломе в МГУ на экономфаке — главном хабе марксистской политэкономии — были эконометрические уравнения. Я считал их вручную! На 20–30 годах, функция от двух факторов со всеми параметрами вроде t -статистики, показателя Дарбина-Уотсона и прочее. Вручную, с карандашиком! Единственная помощь — полуавтомат Rheinmetall, который при делении грохотал как электричка, и так 100 раз на каждом уравнении! Я стажировался у великого Лоуренса Клейна⁴ в 1979 году. А он в 80-м получил единственную Нобелевскую премию за эконометрику, а модель Клейна-Гольдбергера⁵ 1946 года лежит в основе всего прогнозирования до сих пор. Причём он среди всего прочего получил и медаль Леонтьевского центра. И когда мне её стали выдавать, я как-то усомнился, хочу ли

⁴ Лоуренс Клейн (1920 – 2013) — американский экономист, лауреат Нобелевской премии (1980) «за создание эконометрических моделей и их применение к анализу колебаний экономики и экономической политики».

⁵ Макроэкономическая модель Клейна-Гольдбергера для экономики США периода 1929–1952 гг. (кроме военных лет). Состоит из 20 уравнений, 15 из которых отражают экономическое поведение и носят стохастический характер, а 5 — тождества.

я медаль? Приехал, посмотрел — да! И теперь моя физиономия висит напротив Лоуренса Клейна! Большого счастья для эконометрика быть не может! Но он был великий экономист и прогнозист — понимал, что не надо зацикливаться.

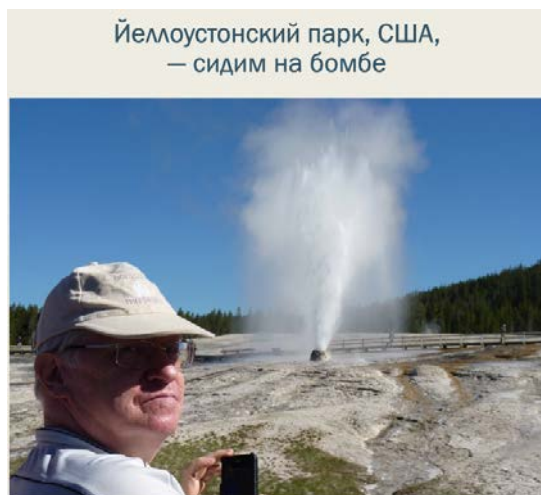

Рис. 2

Это автор доклада в 2013 (рис. 2). Счастливые времена. Это и есть пуп земли, незакрытый, в Йеллоустонском парке. Здесь, говорят, 2 метра до вулкана, который, если рванёт, то снесёт всё от Йеллоустонского парка до Мексиканского залива. Это та бомба, на которой сидит весь мир. Тикает не тикает, но она просто существует. Всё остальное надо изобретать, а это вот всегда при вас.

Прогресс науки идет хорошо – можно бы и не печалиться

- Социально экономические науки решают массу повседневных задач бизнеса, управления, потребления...
- Университеты пашут! Студенты сдают всё, что их заставляют...
- Профессора публикуются и плодятся...
- Нобелевские премии выдают достойным за блестящие работы!
- Эконометрика за 50 лет стала такой блестящей, что экономика с ее малым числом стран, отраслей и регионов безнадежно отстала – нет достаточно хорошей статистики для таких тонких методов.
- Правые и левые продолжают таскать рояль туда-сюда...
- Центральные банки и минфины независимы друг от друга. Ура!
- Бизнес платит налоги или не платит... все хорошо делают долги...
- А счастья нет...

Рис. 3

Прогресс науки, всякий на самом деле, идёт хорошо. Вот то, что здесь написано, если убрать слово «экономические», годится для всех. Задачки решаются, потребители что-то там едят. Государства облагают нас различными налогами, банки выплачивают нам дивиденды. Биржи то обогащают, то грабят. Университеты пашут. Профессора публикуются и плодятся безостановочно, девать их некуда. Нобелевские премии действительно дают за хорошие работы — вопроса нет, всё отлично.

Что касается эконометрики — главная проблема, что экономика перестала соответствовать по качеству продвинутой эконометрике. А беда в том, что у нас нет другой экономики. Ну есть такая сфера — финансовая, где всегда много статистики. Там задачек меньше, вернее, одна и та же задачка, которую каждую осень считают, продлевают и считают. А представьте себе, у меня на курсе 150–200 студентов с разными языками, и они должны писать курсовые. На чём? На мировой экономике?! Это по 600–700, а если с магистрами, до 1000 курсовых и дипломных работ каждый год на несчастном поле в 100 стран от Люксембурга до Китая (это у кого статистика есть). И что, в одно уравнение можно всех загнать и получить результат, который имеет какой-то смысл? Нет, он имеет смысл в рамках дискурса: было так, а теперь опять так, мы перестроили, мы применили. Ну, год прошёл, — конечно, меняется материал, но на 700 курсовых он не успевает измениться.

Хочу привести вам положительный пример, когда я считаю, что человек справился. Это великий Роберт Барро⁶. Наверное, самый крупный макроэкономист сегодня. У него есть замечательная статья⁷, которая вышла в марте 2020 года. Он обсчитал страны, существовавшие в 1918 году во время испанского гриппа, и эконометрически расчленил падение экономики от «испанки» и от войны. Всё отлично, поверьте мне, сильнее Барро зверя нет! Но что он реально получил? Он получил две величины для каждой из этих стран. Для каких стран? У него есть только страны воюющих европейцев и латиноамериканцы. Всё, остальные либо это колонии, или они ни при чём, или у них нет статистики. Там 30–35 стран — страны, которые не воюют и, в общем, со слабой «испанкой», и страны, которые воюют, но у них тяжело с «испанкой».

Вы помните, что название «испанка» возникло потому, что только испанские газеты написали об этой болезни⁸. Воюющие страны мертвяков в окопах списывали на войну. Они не могли сообщать, что это болезнь, никто никого не лечил. Это была такая же эпидемия, как недавно у нас, только никто её вообще не лечил как эпидемию. В лучшем случае припарками, не знаю даже чем. Привезена она была, видимо (есть такая легенда, с ней вроде и не спорят), из лагеря в Аризоне американской армией в апреле 1918-го года, американцы этого не отрицают и не рассматривают как «российскую пропаганду».

⁶ Роберт Джозеф Барро (р.1944) — американский экономист, специализирующийся на классической макроэкономике, профессор экономики имени Пола Варбурга в Гарвардском университете.

⁷ Robert J. Barro, José F. Ursúa, Joanna Weng. The Coronavirus and the great Influenza pandemic: lessons from the «Spanish flu» for the coronavirus's potential effects on mortality and economic activity. National Bureau of Economic Research. Cambridge, March 2020.

⁸ Испания оставалась нейтральной страной на протяжении Первой мировой войны, поэтому её прессу, в отличие от других европейских стран, не контролировала жёсткая военная цензура. Первые сведения об эпидемии гриппа стали известны современникам из испанских газет — так к болезни приклеилось название «испанка».

Да, но как он [Барро] получил результат? Ну что бы он ни делал, как бы ни считал — падение экономики от кризиса давали латиносы. А падение от «испанки» — воюющие страны. Ну что вы с этим будете делать! Изумительно — подсчитать. Но применить это ни к чему невозможно и ни на что перенести невозможно.

Роскошное наделение центральных банков независимостью. Всё было хорошо, пока центральные банки были независимы от популистских президентов. Вот это было отлично! Они сдерживали инфляцию, получали премии за сдерживание инфляции. (Сначала они её создают, а потом с ней борются.) И всё было отлично, но вот приходит 2020 год [пандемия], и выясняется, что надо что-то делать в экономике. Тут как раз пригодились идеи Бена Бернанке [председатель ФРС в 2006–2014 гг.].

В 2010–2011 гг. вышла целая серия замечательных работ, в которых была проанализирована Великая депрессия и показано, что гигантское падение осенью 1929 года — это кризис, во многом созданный ФРС. Есть замечательная книжка Алана Гринспена [председатель ФРС в 1987–2006 гг.], в который он показал детали. В августе уже падало промышленное производство, но они взяли и подняли ставку рефинансирования в Нью-Йоркском банке с 5 до 6% — и угробили всё! 24–25 октября случились «чёрный четверг» и «чёрная пятница». Плюс они были сторонниками невмешательства. Они ничего не делали против кризиса в течение депрессии, ожидали, что всё пройдёт так, как это проходило в прошлом. Произошли четыре падения, под минус 50% падение ВВП ко 2 кварталу 1933 года.

Правда, есть ещё одна подробность, которая всем понравится и её будут искать в нынешней жизни. Гринспен в соавторстве с журналистом [Адриано Вулдридж], который был достаточно силен в поиске интересных деталей, писал, что в момент кризиса в составе руководства ФРС не было ни одного приличного банкира. Последний такой банкир умер в 1928 году, а те, оставшиеся, были объединены на этой должности членством в одном и том же гольф-клубе. Это исторический факт, опубликованный Гринспеном в книге «Капитализм в Америке. История» (2018 г.).

И какую же вдруг в 2020 году борьбу с коронавирусом и с кризисом можно провести при независимости центрального банка от минфина?! Либо вместе, либо никак. А как вы понимаете независимость центрального банка в условиях так называемой — прошу неэкономистов не волноваться — «финансовой репрессии»? Финансовая репрессия — это не наказание финансистов, это подавление, суть которого в том, что центральные банки навязывают («впаривают») либо подведомственным организациям, либо просто частным банкам облигации минфина ниже доходности рынка. Из трёх триллионов дефицита 2020 года США один триллион был плановым. А их оказалось три, потому что доходы упали, расходы выросли — дефицит составил 3 трлн. МВФ «донёс» на США, 57% прироста долга было затарено в ФРС по дешёвке. Грубо говоря, как если бы наш Минфин отправил это в наш Центральный банк.

Чем хороша эта финансовая репрессия? Во-первых, держатели долга не бегают на рынок, а тихо получают проценты, и всё хорошо. Так устроен японский долг, почему там никогда нет проблем, когда у них долг уже 250% ВВП. И вы хотите мне сказать, что у вас есть правило долгов, у вас есть какая-то теория, которая так просто работает?! Уже появились новые (!) теории, что центральные банки должны быть независимы от правительств, но не от экономики своих стран.

Строго говоря, эквивалент независимости центрального банка — это независимость центрального банка от политики правительства, а в сущности, от минфина. Потому что, что он делает с долгами? По каким процентным ставкам платит? Если центральные банки не подавляют процентную ставку, тогда он платит много. Вот вам и выбор. Счастья нет, как я уже говорил.

Что мешает социальным наукам быть более точными и надежными

- Университетов много, макроэкономистов немеряно, статей тысячи, нобелевские премии – потрясающие...
- Идеальный экономический человек как мотылек - долго не живет.
- Разнообразие растёт, да и сам он хочет, но не может стабильности.
- **ЧЕЛОВЕК – это всегда звучит к переменам!**
- Прогресс технологий абсорбируется с разной глубиной в зависимости от богатства, дохода и культурных кодов.
- Социальные слои расположились по доходной лестнице, и тащат на себе старые коды и новые потребности.
- Распределительные конфликты возникают на каждом шагу.
- Элиты хотели бы осваивать прогресс, решать свои задачи, но не рисковать контролем за социальными переменами и иерархией.

Рис. 4

Что мешает быть экономической науке более точной? Конечно, прежде всего, объект подкачал. И если искать ответственного в этом зале, то вот он сидит, товарищ членкор РАН Владимир Сергеевич Автономов с его «идеальным человеком» [автор монографии «Модель человека в экономической науке»]. Где идеальный человек?! Он как мотылёк! Он появляется и исчезает. Идеальный человек с зарплатой 200 долларов, идеальный человек с зарплатой 1000 долларов в месяц, идеальный человек с доходом 10 000 — они все ведут себя по-разному. Они думают по-разному. Они делают разный выбор. И они по-разному меняются. А сближения по Кузнецу⁹ (статья¹⁰ 1955 г.) нет, есть Пикетти [французский экономист] и наши работы по росту неравенства...

Чтобы тут уже сразу расправиться с соседями по социальным политическим наукам, я студентам как это объясняю? Представьте себе кулич, условно, без религиозных оттенков, важна только наглядная форма. Разрежьте его на три части. И считайте — вот экономик, социология, политология. Сверху у вас кто? Политические элиты. В социалке — это собственники. В экономике — это люди, принимающие экономические решения. В середине в социалке у вас — это средний класс. В политологии — это гражданское общество. В экономике — это люди с нормальной зарплатой.

⁹ Саймон Смит Кузнец (1901–1985) — американский экономист-неокейнсианец, статистик, демограф и историк экономики. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 года.

¹⁰ Kuznets S. Toward a Theory of Economic Growth. («К теории экономического роста»).

И внизу у вас охлос, бедняки и безработные. Но человек-то один и личность у него одна (помимо раздвоившихся)! И поэтому люди ещё взаимодействуют и между собой, и внутри своей личности. То они сытые, то они же вдруг опять «относительно» голодные. То голодные и сытые ведут себя одинаково в политике, то наоборот.

Наиболее яркий пример, конечно, Бразилия. Лула [Лула да Силва — президент Бразилии] — гений, которому должны были поставить памятник. И в тот момент, когда я писал про него статью на английском, и писал, что готов сесть в тюрьму за него, если мне «дадут немножко его славы», — его выпустили. Он чемпион демократии, шесть раз участвовал в президентских выборах, из них три раза победил, в том числе после 19 месяцев тюрьмы.

Что он сделал? Это, кстати, урок и для нас. Задолго до него в конституции была поправка о минимальной зарплате. Мы под минимальной зарплатой понимаем некое пособие, чтобы не умереть с голоду. У них и сейчас ВВП на душу населения по ППС где-то около \$15 тыс., в два раза меньше, чем у нас. Причём не растёт, даже упал с 2014 года. Китайцы сейчас обогнали, но они [Бразилия] остаются выше, если по БРИКСу, на пару тысяч, чем ЮАР. И раза в два больше, чем Индия. Вот порядок величин.

Лулу смог уловить благоприятный момент. Его выбрали президентом в 2002 году, в 2003-м начался рост мировых цен на нефть, на все коммодити [*англ. commodity*, товары, которые торгуются на биржах], на продовольствие. Он ухитрился уловить ренту, идущую в страну от экспорта сырьевых товаров, прежде всего продовольствия, так, что она не пошла на пирамиды, войну и олигархов — три основные дыры, куда обычно уходит рента... Я даже не могу сказать, в каких странах какая, но интуитивно догадываюсь.

Что он сделал — он поднял минимальную зарплату примерно до 40% от средней и практически вровень с пенсией, которая была невелика, но тем не менее. И так называемый нижний средний класс по Бразилии в течение 10 с лишним лет, а сразу умножьте на 12 месяцев, то есть 120–150 месяцев вся эта беднота (там курс ещё укрепился) получала по 300–400 долларов в месяц¹¹... Так они все прибарахлились! Да, но поскольку промышленность, как у нас при этом, не росла, это всё был японский импорт. И все гордились: у них японский телевизор, японская швейная машинка...

Они не успели пересестись на автомобили, они не успели поднять самую бедноту. Когда они начали переходить к попытке развить ещё и жилищное строительство, в это время уже влезли в долги, а экспортные цены упали — их разнесло... не будем заходить туда... Но до 2014 года, 12 лет, у них это на самом деле работало, и они провели перевооружение домашних хозяйств, приобрели товары длительного пользования. И должны бы были быть счастливы, но... Что там, главное, произошло? Когда городские власти пытались поднять цены на автобусы, начались демонстрации в Сан-Пауло: «Мы не хотим чемпионат мира! Мы не хотим Олимпийские игры! Мы хотим хорошее образование и медицинское обслуживание! Отсутствие коррупции!» Как только этот вчера бедный средний класс получил телевизор, швейную машинку и всё прочее — он больше не хочет зрелищ за свой счёт. Он хочет жизнь среднего класса, как он видит его во всём мире, хотя производительность-то труда не та и при этом курсе всё это — импорт. И сразу шарахнуло по политической ситуации.

¹¹ Leonid Grigoryev, Marina Starodubtseva. Brazil in the 21st century: A difficult path, RJEC, 2021, #7, pp.250–268.

Какие проблемы мир решает?
А что решили? Почему — нет?

- Устойчивый рост = когда он был теперь?
- Ресурсы планеты и демография = переходы и пенсионеры?
- Империи – насилие – пути истории, роль государства?
- Догоняющее развитие – конкуренция и открытость?
- Отрыв Европы, отрыв США, отрыв Китая...
- Экология и сохранность ресурсов?
- ЦУР = 17 целей ООН – 2015 или только Климат?
- Сбережения и вложения – финансовая архитектура.
- Ловушки бедности, среднего уровня, но нет ловушки богатых?
- Социальная структура – неравенство снизу или сверху?
- Равновесие между экономикой, социологией и политикой...

Рис. 5

Но какие проблемы мир решает и что решили? Такое ощущение, что здесь почти ничего не решено по-крупному — это совсем крупные проблемы, списком (рис. 5). Возьмём просто третью снизу строчку. «Ловушка бедности» есть? Кто-нибудь её решил? Нет. «Ловушку среднего уровня» — нет. «Ловушки богатых», обратите внимание, нет. И заметим, что все социально-экономико-политические науки изучают человеческое поведение по отдельности!

Каковы причины, по которым мы не понимаем
человечество

1. Нам лень вникать — легче пользоваться своим запасом!
2. Предубеждения — легче верить в свой норматив...
3. Страх – если осознать провал, то что ж мы раньше-то?
4. Страх + лень — если оно так, то надо что-то делать?!
5. Страх + выгода — многим есть что терять при переменах...
6. Лень + скорость изменений — трудно уловить сдвиги.
7. Страх + неравномерность изменений — трудно сложить...
8. Лень + масштабы перемен — сложно охватить сразу все.
9. Лень + страх «конца света»...
10. Страх тех, кто может потерять много, — тормозят.
11. Конфликт элит — фиксация интересов.
12. Доминирование геополитики меняет многие процессы.

Рис. 6

Пошли дальше. Каковы причины, по которым мы не понимаем человечество, мы, экономисты? Вот это совсем надолго. Это тема для социопсихологов. Это в какой-то степени проблема, как экономисты, политологи и социологи, привязанные к реальной жизни своего общества, правительству и так далее, не могут как

научные коллективы переступить и увидеть связи процессов. Ну ходит, как-то нервничает Джеффри Сакс, ещё кто-то, а по-крупному — никто. То есть политиков и представителей других школ ругают, но сказать, что наша наука не вытягивает и реально не предлагает приемлемое решение (хоть не без расходов для всех) — боюсь, что здесь я выступаю как «whistleblower» [«осведомитель»] (первый раз в МГУ в 2021 году).

Рис. 7

Это все знают, обсуждалось тысячу раз — Цели устойчивого развития (ЦУР). (Рис. 7). Я хочу заметить только две вещи. Нищета вернулась в последние годы в том числе за счёт того, что идёт ещё только первый демографический переход в ряде стран (Нигерия, ЮАР, Бангладеш). И если хорошо посмотреть, возможно, сейчас по-настоящему бедных столько же, как в 2000 году до начала Millennium Goals, надо бы проверить. Во-вторых, совершенно ничего не сделано по пункту 10 — уменьшение неравенства между странами и социального неравенства внутри, пункт втасен в список неправительственными организациями. Там даже критерия нет, там даже индикаторов нет, просто ничего нет, одни разговоры. То есть всё ушло в энергетику с климатом.

Какие задачи решаются

- Многое на микро уровне при условии предсказуемой среды и медленных темпов изменения будущего.
- Балансовые задачи на коротких горизонтах при инерционном поведении участников...
- Раздельное поведение агентов в экономике, социологии и политике — без кризисов и без взаимодействия.
- Массового поведения при схожих условиях и уровня развития (образования, благосостояния).
- Задачки «прежней войны» — в любой области.
- Сочетание стимулов и запретов при доминировании власти, но с неизвестной реакцией участников и последствиями...
- Торможение развития путем создания препятствий.

Рис. 8

Какие задачи решаются? (Рис. 8.) Микрозадачи решаются, балансовые задачи решаются. При раздельном поведении агентов в трёх социальных науках что-то как-то получается на коротких периодах и устойчивых состояниях объектов.

Массовое поведение — там, где есть статистика, например в образовании, можно посмотреть, на каких-то коротких участках это действует. То есть прогноз на коротких участках.

Задачки «прежней войны» — ну, в любой области какие-то задачки прежней войны решаются, пока новая война не рушит все прогнозы. А сочетание стимулов и запретов — если что-то запретить, то неожиданно получается, что задачка, которая запрещена, решается. То есть её запретили — и всё. Ну, как сейчас, запретили ездить, скажем, в Париже на машинах с низким экологическим классом — и больше не ездят, задачка решена. Правильно? Вот нам бы ещё так! Самокаты в Париже запретили — мне нравится.

У меня была отдельная лекция (в июне): «Торможение развития путём создания препятствий. Или общая теория торможения развития врагов». Я рассмотрел, как эти все штуки тормозят соседа — от Карфагена до континентальной блокады Наполеона и в наши времена. Ну, про нас совсем легко. Но вернёмся к провалам и великим скептикам! Сначала фон Хайек в разгар кризиса 1973–1975 гг. получал Нобелевскую премию, потом нобелевский лауреат Кругман в разгар кризиса 2008–2010 гг. удивлялся...

Фридрих фон Хайек «Претензии знания».
Нобелевская лекция 11 декабря 1974 года.

«...экономисты призваны заявить свою позицию относительно того, как избавить мир от серьезной угрозы неуправляемой инфляции; при этом надо согласиться, что она является порождением политики, которую рекомендовали как раз большинство экономистов — и даже побуждали правительства к ее осуществлению. Действительно, у нас мало причин для гордости: как профессионалы мы находимся в растерянности...». <http://hayek.ru/hayek2.html>

Рис. 9

Но я не одинок. Если кто-то думает, что я наивно решил выступить в одиночку, — нет. Я «завербовал» двух «нобелей» (рис. 9). Один из них — Хайек. Обратите внимание на дату. Кто-нибудь помнит декабрь 1974 года? Это же разгар кризиса 1974–1975 годов. И посмотрите, что фон Хайек говорит: «Pretense of knowledge», «Претензия знания». Вы, говорит, сами всё это наделали, дураки. Но он-то, Хайек, с той стороны, он-то наезжает на кейнсианцев, так сказать, во всяком случае с того конца расклада экономистов по школам...

How Did Economists Get It So Wrong?

By PAUL KRUGMAN – NYT – 6.09 2009.

- I. MISTAKING BEAUTY FOR TRUTH
- II. FROM SMITH TO KEYNES AND BACK
- III. PANGLOSSIAN FINANCE
- IV. THE TROUBLE WITH MACRO
- V. NOBODY COULD HAVE PREDICTED . . .
- VI. THE STIMULUS SQUABBLE
- VII. FLAWS AND FRICTIONS
- VIII. RE-EMBRACING KEYNES

Рис. 10

Но у меня есть и с этой стороны, я позаботился о лекции — нашёл Поля Кругмана. Я тут только план дал, мне уже не до цитат было, их слишком много, — большая статья в New York Times. Но поглядите на заголовок и на дату. Это разгар кризиса 2008–2010 годов. И такое скромное название: «Как экономисты могли так ошибиться?» И подзаголовки: Mistaking beauty for truth [«Красоту приняли за правду»]... Предлагаю братским университетам раздать курсовые работы в этом году, а весной провести на эту тему большую конференцию со студентами. Вот они нам всё раскопают.

Малый список неудачных кейсов

- Троя – Македонский – Рим 180 нашей эры.
- Разгром Византии с участием крестоносцев и Венеции.
- Континентальная блокада Наполеона.
- Повышение ставки ФРБ Нью-Йорка с 5% до 6% — 1929.
- Удержание цены на нефть около \$4 долларов до 1973.
- Ошибка Гринспена в начале 2000-х.
- Гибридные mortgages 2000-х в США.
- ЦУР 10 и конвергенция по Солоу.
- ЦУР 10 и выравнивание неравенства по Кузнецу.
- Догоняющее развитие и ловушка «среднего уровня».
- Вашингтонский консенсус за пределами ЛатАм (и Польши).
- Фокус на климат, недостаток внимания институтам, собственности, неравенству...

Рис. 11

Малый список неудачных кейсов, чтоб поддержать интенсивность (рис. 11).

Трою не надо было громить, испортили торговлю, и тут же пришли народы моря и всё разнесли, это мы понимаем. Македонский построил двенадцать Александрий, вывез ремесленников и подорвал греческий экспорт двух типов товаров: во-первых, всяких горшков [глиняных] и оружия, всё-таки было много оружия, и гоплитов [тяжеловооруженных воинов]. Как было хорошо: гоплиты, как швейцарцы, там зарабатывали, все воевали, хорошие деньги привозили. Как англичане потом: пиратство — деньги в свои портсмуты [Портсмут – город и унитарная единица в графстве Гэмпшир].

Разгром Византии с участием крестоносцев — ну, крестоносцы хоть пограбили. Венецианцы утащили коней с ипподрома, ослабили Византию, в конце концов подорвали постепенно всю свою торговлю, ну, а потом уже и вовсе...

Континентальная блокада Наполеона — провал радикальный. В частности, по двум причинам, которые у нас редко обсуждаются. Наполеон хотел одновременно и задушить англичан, и переключить импорт третьих стран на французские товары. Но французы производили мало и низкого качества, и тогда французские суда стали возить в Россию английские товары, перепродавать втридорога. Но это уж, знаете, не блокада, а спекуляция. Кроме того, англичане во время этой войны захватили 1 500 французских судов, продали, на эти деньги воевали. И Наполеон отнимает у испанцев Луизиану, но, граждане, поглядите на карту, не поленитесь: под Луизианой имеется в виду не нижняя южная оконечность с Новым Орлеаном, а, по сути, средний штат до Канады. Это и был испанский кусок. Там колоссальная территория, примерно столько же, сколько у США уже было. А Наполеон не мог обслуживать колонии, у него не было судов.

Удержать цены на нефть — понятно. Цена 4 доллара 70 лет — ну что вы хотите, конечно, все подсели на эту нефть.

Ошибка Гринспена — это специальная вещь, экономисты в крайнем случае расскажут. Гибридные мортгиджи¹² и ошибка Гринспена привели вместе к кризису 2008 года и очень тяжёлым последствиям.

ЦУР 10» [уменьшение неравенства] по Солоу¹³ не работает, по Кузнецу не работает. Нет сближения за счёт роста стран, нет сближения за счёт роста слоёв.

Догоняющее развитие; Вашингтонский консенсус был придуман для Латинской Америки. Кое-где сработал и сработал в Польше, где похожие условия с Латинской Америкой.

Фокус на климат — без работы с бедняками, институтами. И какое у нас в этой области главное событие дня? Р. Сунак (премьер-министр Англии) снял часть ограничений по климатическим делам, автор программы превращения British Petroleum в «зелёную» компанию уходит в отставку. Но убрали его там, как всегда, потому что он не раскрыл все свои связи в компании, чего-то кому-то не доложил. Но не в этом дело. Англия начинает отходить назад, потому что она не под Брюсселем (наконец понадобился Брексит).

¹² Гибридные мортгиджи — сочетание фиксированных и переменных ставок по ипотеке.

¹³ Роберт Мертон Солоу (1924 г.р.) — американский экономист, автор модели Солоу, лауреат Нобелевской премии 1987 года «за фундаментальные исследования в области теории экономического роста». Модель Солоу предназначена для изучения хозяйственного функционирования домохозяйств и фирм (1956).

Альберт Эйнштейн сказал:

**«Господь Бог изощрен,
но не злонамерен».**

**Но, возможно, в некоторых случаях
Он ошибался...**

Рис. 12

Вот что понравилось бы С.П. Капице (рис. 12). Но вот, что «Он, возможно, в некоторых случаях ошибался», написал я. А вот кто Он — это уже на выбор читателя, кто из них Он. То ли тот, то ли тот, то ли оба — это вы сами выбирайте.

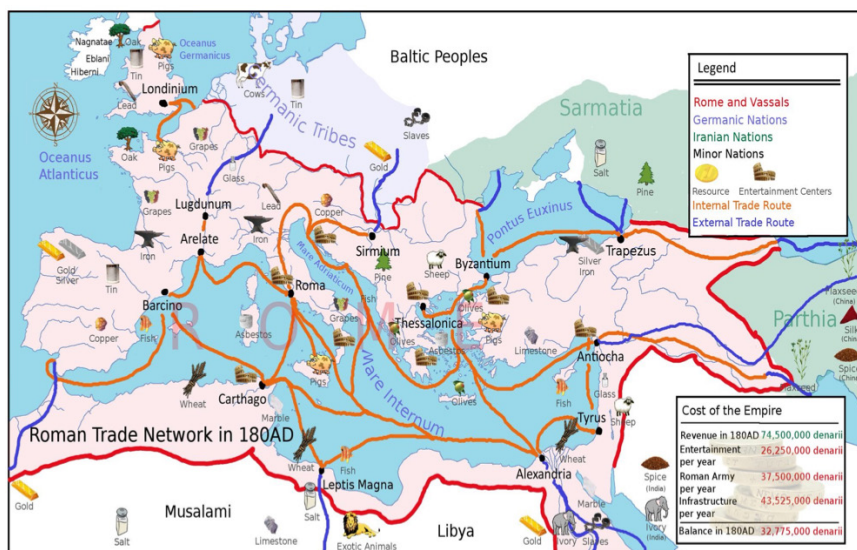

Рис. 13

Этот замечательный слайд я проецирую на ваше правое полушарие [для творческого мышления], дорогие товарищи. Обращаю внимание, это Римская империя практически в пике, 180 год н.э. Посмотрите в нижний правый угол, на бюджет империи. Кто-то же насчитал, приходится верить. Доходы — 74,5 млн динариев, дефицит — 32,8. Напомню, что это после разгрома Карфагена и Коринфа в 146 году до н.э. Ещё напомню, что империя под названием «Рим», такая демократическая, знаете, империя, стёрла Карфаген так, что не осталось ни странички на бумаге, и перестала брать налоги с граждан. Говорят, что у Аристотеля в каком-то томе есть встроенные 158 статей Карфагенской конституции, но этот том найти не могут. Но надежды ещё есть. Или кто-то их подделает.

Но обратите внимание: расходы 26 с хвостиком млн — entertainment, то есть это все федеральные развлечения, храмы и так далее, помимо совсем частных по углам. Армия всего-навсего 37,5 млн. И инфраструктура — 43,5 млн. Как жалко, что они нас не завоевали, была бы дорога на Архангельск. Потому что они упорно её бы так и строили, до края империи, они же были очень упорные демократические имперцы: где край — туда и дошли.

Балансы они закрывали, конечно, грабежом. Проблема заключается в том, что когда они ограбили Карфаген и Коринф, то перестали брать налоги с граждан Рима. То есть налоги — только с колоний. И тогда им надо, естественно, постоянно кого-то грабить. Грабить по периметру особенно некого. Можно, конечно, воевать с дикими германцами, но, во-первых, заморочено, а во-вторых, малопродуктивно. Они пошли на Персию. Два императора Рима попадают в плен, дальше — всё, Римская империя скатывается в течение двух веков. Ну, ребята, такую территорию и так потерять... Вот мы и видим начало конца. Но, кстати, это про многие империи можно сказать.

	UK	NL	Italy	Spain	Japan	China	India
1000	400	425	450	450	425	466	450
1500	714	761	1,100	661	500	600	550
1600	974	1,381	1,100	853	520	600	550
1700	1,250	2,130	1,100	853	570	600	550
1820	1,706	1,838	1,117	1,008	669	600	533
1870	3,190	2,757	1,499	1,207	737	530	533

**MADDISON'S ESTIMATES OF GDP PER CAPITA
IN WESTERN EUROPE AND ASIA
(1990 INTERNATIONAL DOLLARS)**

Sources and notes: Maddison (2010).

The estimates are for countries within their modern boundaries, and hence cover the United Kingdom rather than Great Britain or England and the Netherlands rather than Holland.

Рис. 14

Это полезные сведения от Мэддисона¹⁴. Все знают Мэддисона, но все ли его читают на ночь? А вот эту страничку в экономических вузах можно читать на ночь (рис. 14). Посмотрите на Индию в момент завоевания Англией, 1700 год: ВВП на душу населения — 550 (в долларах США 1990 года). А в Англии — 1250, делов-то, ну, в два с небольшим раза больше. Они пираты, но, в общем-то, хитрые: битва была выиграна с помощью индийских войск. И посмотрите, как увеличился разрыв уже в 1870 году!

¹⁴ Ангус Мэддисон (1926 – 2010) — британский экономист, специализирующийся на макроэкономической истории, включая измерение и анализ экономического роста и развития.

Рис. 15

У нас есть такая книжка, мы какое-то количество раздали, но, к сожалению, на сайт не вывесим, издательство не разрешает. Книжка небольшая, но очень интересная. Мы собрали всю физически возможную статистику по финансам и всему-всему за этот период. У нас там есть про «ловушку Фукидида» перед Первой мировой войной на бюджетах, есть параграф «Политэкономия «Вишнёвого сада»». Мы докопались до урожайности в пудах у дворян и крестьян в начале реформы, в конце реформы. Всё, что можно было вытрясти, мы вытрясли и представили в этой книге.

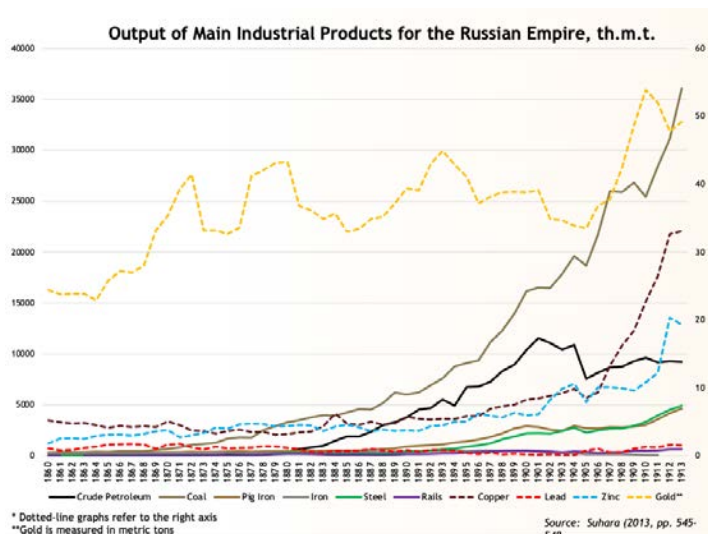

Рис. 16

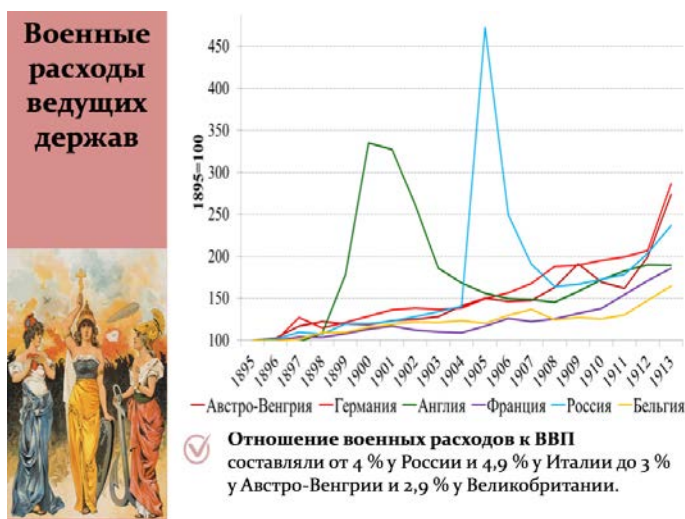

Рис. 17

Это просто для памяти, как выглядел рост в России перед Первой мировой войной (рис. 16.). Соответственно, читайте меморандум Дурново (февраль 1914 г.), что нам не надо было ввязываться в войну. Обратите внимание на пропаганду слева, очень удачно всё делали (рис. 17.). Большие «синие» скачки — это Русско-японская война. И, посмотрите, в 1913 году начинается рост государственных военных расходов Германии.

Социальные проблемы эпохи: бедность и неравенство

	1890	1910
Доля верхнего дециля	49,8	50,9
Доля верхних 5 %	34,9	36,7
Коэффициент Джини	0,59	0,61
Доля бедных	85,7	82,4
Доля абсолютно бедных	71,7	65,6
Число бедных (млн)	1 244	1 417
Число абсолютно бедных (млн)	1 041	1 128
Ожидаемая продолжительность жизни (годы)	29,9	32,8
Население мира (млн)	1 451	1 719

К началу XX век снизилась доля абсолютно бедных, но массы рабочих являлись социальной проблемой. Верхний дециль давал норму жизни.

Рис. 18

Теперь важнейший момент, почему я как раз хотел сказать, что есть проблемы, которые не то чтобы экономическая наука решила, но топчется вокруг. Эту таблицу вывесили Пикетти и компания (рис. 18). Но мы покопались и обнаружили, что 10%

богатеньких людей перед Первой мировой войной — это не нынешние буржуи. Это верхний средний класс, это новые образованные, вышедшие из рабоче-крестьянских масс.

В это время мой дед по матери, Ермилов, внук крепостного-отходника Ермила, окончил бухгалтерскую школу и устроился к архангельскому купцу бухгалтером. А потом прошёл курс математики в Санкт-Петербургском университете. И перед революцией он был инспектором мореходного училища в Архангельске и преподавателем математики в гимназии. Так у него был дом на главной улице губернского города. Вот это он и попадает в эти 10% с быстрой карьерой, где железнодорожники, врачи, военные, госслужащие и так далее. Совершенно другой социальный слой, это надо изучать заново и по-настоящему.

**GDP per capita of the major European powers and their colonies,
1913–2020, \$ thousand (different)**

Metro polis	Main colony	Metropolis, GDP per capita, \$ thousand			Colony, GDP per capita, \$ thousand		
		1913	Independence year	2020	1913	Indepen- dence year	2020
UK	India	5.0	10.5	45.9	0.9	1.0	6.5
France	Algeria	3.2	12.9	46.7	0.6	2.3	11.3
Spain	Equatorial Guinea	2.1	9.3	38.3	0.5	2.0	17.9
Belgium	Congo Dem. Rep.	4.3	-	52.6	0.6		1.1
Netherlands	Indonesia	3.5	9.4	59.3	0.8	1.2	12.1
Portugal	Angola	1.3	10.4	34.1	0.6	1.7	6.4

Source: S. Broadberry, K.H. O'Rourke, *The Cambridge Economic History of Modern Europe*, 2010; Maddison database, World Bank (WB) database

Рис. 19. ВВП на душу населения в главных Европейских державах и их колониях, 1913–2020

А вот это очень важно (рис. 19). Это опубликовано. Я продемонстрирую ещё 2–3 ключевых слайда, чтобы показать, как мы видим мир. Посмотрите просто на Англию и Индию, только одну строчку по горизонтали — данные в одной единице измерения, меняются по годам. В 1913 году в Англии — 5,0 тыс. неких долларов на душу населения, в Индии — 0,9. Разница в 6 раз. В год независимости Индии от Англии: в Англии — 10,5 тыс., в Индии — 1 тыс. Министерство колоний в Великобритании (1854 – 1966?) — это не министерство развития, и железные дороги строились для борьбы с повстанцами, для быстрой переброски войск, а не для развития. Остальное всё — лирика. И, наконец, 2020 год: в Англии — 45,9, а в Индии — 6,5 на этот год, в том же измерении. Вот вам и всё!

Основной разрыв между развитыми и развивающимися странами произошёл прежде всего до Первой мировой войны, потом закрепился в течение XX века, когда развитые страны воевали, развлекались с Великими депрессиями, но тем не менее как-то росли. А этих [развивающиеся страны] вообще потеряли. И к нашей эпохе эти развивающиеся страны пришли в полуголом виде.

В нашей статье (со студенткой 4 курса), опубликованной в «Вопросах экономики» в феврале нынешнего года, есть параграф «Ахиллес никогда не догонит черепаху?».

То же самое происходит внутри стран. Внутри стран богатый дециль — десятый, потому что у социологов первые децили — это бедные, а богатые — это десятые, очень здорово они так придумали. Путаница, конечно, но он [дециль] тихо отъезжает (то, что подметил Пикетти, без него как бы не знали), он просто тихо отъезжает и отъезжает. Так что есть ещё вопрос: одинаково ли видят стилизованные факты все школы экономистов?

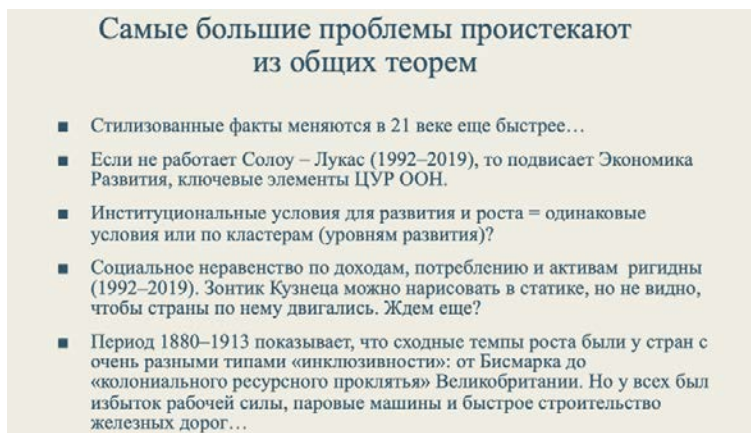

Рис. 22

Самые большие проблемы проистекают из общих теорем (рис. 22). Вот «зонтик»¹⁵ Кузнецца, например, нарисовать можно в статике, но ведь идеи-то Кузнецца. Это гениальные люди, красивые дали теории. Но только это физически не может работать и это не работает. Мы не видим ни сближения при росте стран, ни сближения при росте богатых слоёв с остальным обществом — ни того ни другого.

Это, кто не знает, «кривая Великого Гэтсби»¹⁶ (рис. 23). Дождались фильма «Великий Гэтсби», назвали кривую, и теперь без неё не обходится ни одна конференция. Вот что значит пиар. Общий смысл такой: родившиеся, скажем, в нижних слоях общества в массе могут подняться, условно, по этажам с 3 до 7, наверх они не попадают. Если вы родились в верхних слоях, на 8–10 этажах, вы можете упасть до 5-го, но не ниже. Это всё работает, причём это всё очень подробно обсчитано прежде всего на Швецию, у них есть в Стокгольме институт, который всё это считает.

¹⁵ Кривая Кузнецца — гипотеза о том, что в странах, стоящих на ранних ступенях экономического развития, неравенство доходов сначала возрастает, но по мере роста имеет тенденцию снижаться. Данная гипотеза была впервые выдвинута 29 декабря 1954 года экономистом Саймоном Кузнецом и оформлена в виде перевёрнутой U-образной кривой. Циклы (ритмы) Кузнецца — экономические циклы продолжительностью 15–25 лет — были открыты им в 1930 году.

¹⁶ Кривая была основана на исследовании Майлза Корака, проф. университета Оттавы. Была представлена в 2012 г. Аланом Крюгером, председателем Совета экономических консультантов (США), с использованием данных по вопросам труда. Крюгер, основываясь на работе Майлза Корака, назвал позитивную взаимосвязь между неравенством и постоянством «кривой Великого Гэтсби» и ввёл её в популярную и политическую дискуссию.

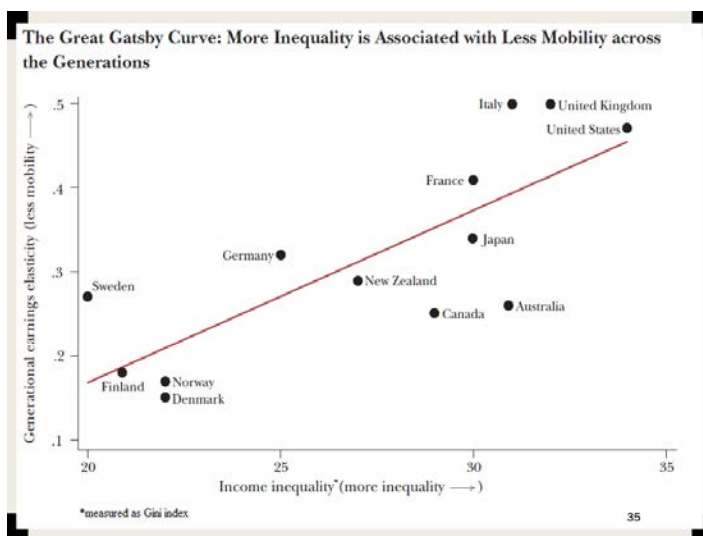

Рис. 23

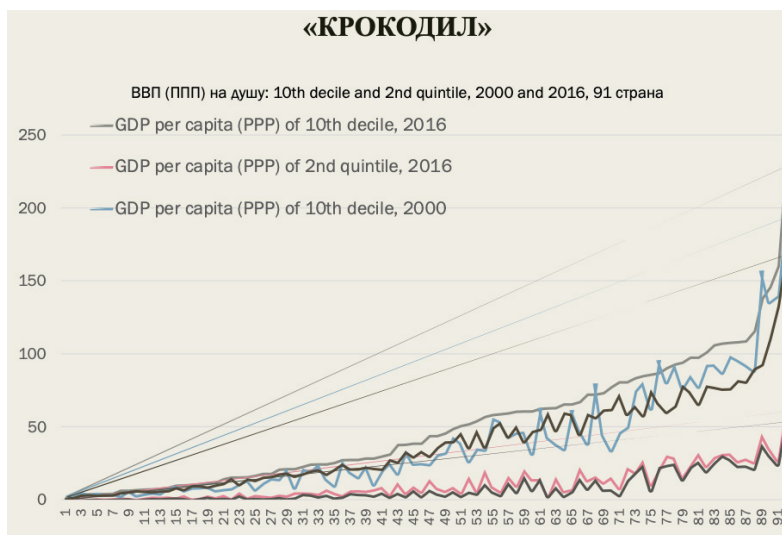

Рис. 24

Этот «Крокодил» мой, я его придумал (рис. 24). Он очень простой: понизу, два года, — это ВВП на душу в одной единице измерения (доллары, насколько помню), второй квинтиль [20% населения], то есть не самый бедный квинтиль, грубо говоря, это «жёлтые жилеты». Второй квинтиль — это те, кто обслуживает богатых: рестораны, таксисты, пр. То есть те, которые хорошо видят — выше — десятый дециль [10% населения]. На шкале — 91 страна по нарастанию ВВП на душу населения. И чем правее — тем выше, далее расширяется: «Крокодил распаивает пасть».

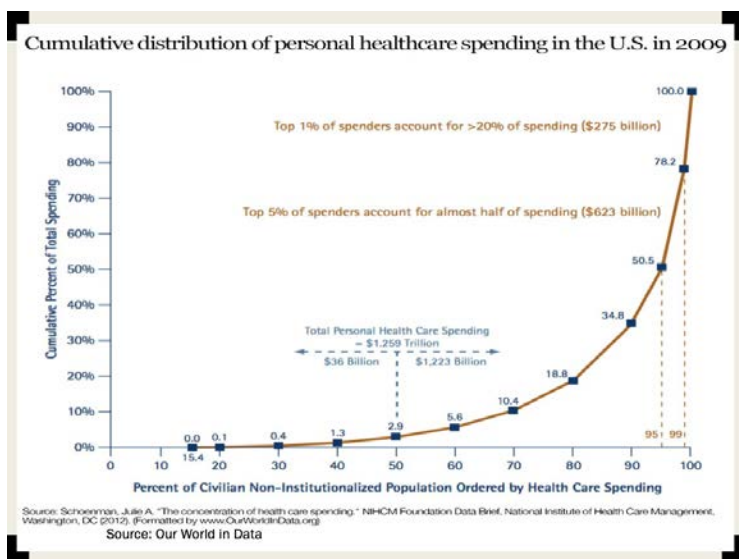

Рис. 25. Распределение личных расходов на здравоохранение в США в 2009

Это, кто не знает, посчитано было для Обамы, видимо, судя по году, под медицинские страховки (рис. 25). Это неравенство в медицине. Посмотрите, на 1% американского населения приходится 20% всех медицинских расходов; 5% американского населения расходует половину, причём это чудовищная величина — 623 млрд в рассматриваемом году. А 45% населения расходует ещё 47 млрд. Наконец, на 50% населения приходится 3% медицинских расходов. Это то, с чем имел дело Обама в своё президентство. Во времени эти параметры мало меняются — велика инерция...

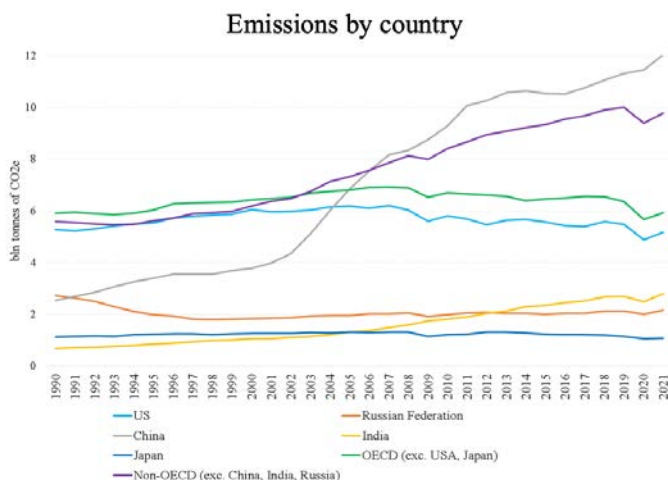

Рис. 26. Выбросы в разбивке по странам.

Мы опубликовали работу на эту тему в австралийской книге в последний момент перед захлопыванием форточки. Мы не поленились поделить эти 3% и сравнить с другими странами. Это примерно 800 долларов — уровень Бразилии. То есть половина американского населения живёт в Бразилии. Это не закрывается никакими рабочими мерами. Вы собираетесь с этим что-то делать? Ну вы хотя бы скажите, что этого нельзя сделать!

Эмиссия продолжает расти, скоро будут данные по 2022 году (рис. 26). Европа включена в OECD [Организация экономического сотрудничества и развития] — зелёная кривая, без США. Видите, кривые понемножку снижаются. Они всё-таки странные люди: в истерике пытаются понизить до нуля выбросы в богатом регионе, на который приходится 8% выбросов. За то время, что они боролись, за последние 10 лет, Китай и прочие развивающиеся страны увеличили выбросы в 1,5 раза. Скажите, вас всё-таки климат волнует или выборы в европейских странах? Это же всё предвыборные обещания партий.

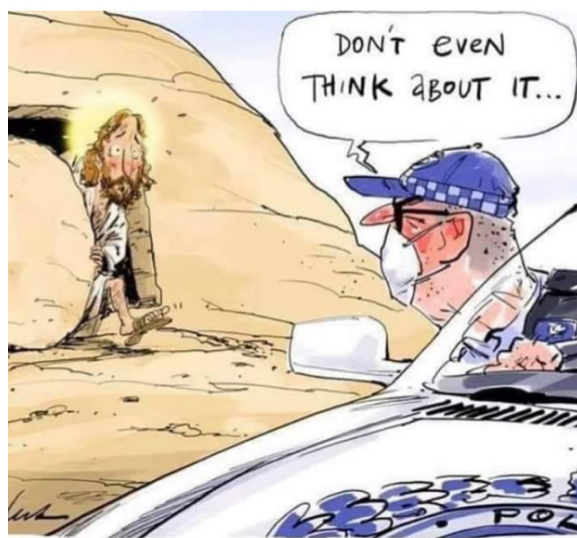

Рис. 27

Это карикатура не наша, это западная пропаганда (рис. 27). «Даже не думай об этом, — говорит цивилизованный человек загнанному жить в пещерах. — Мы инфраструктуру построили, экологию разнесли, железные дороги построили, а вы не вылезайте».

Это уже наша чисто внутренняя проблема. Всё-таки экономический рост — это институциональная или/и макроэкономическая проблема (рис. 28). Естественно, она не может быть отдельно той или отдельно этой. Но надо думать о том, как это взаимодействует. От того, что макроэкономисты говорят: «Ну, мы там, ладно, потерпим ваших 5 нобелевских, так и быть»... Мне говорил очень приличный российский экономист, что у последнего нобелевского лауреата (я уж не помню, кто это был) статьи не в тех журналах опубликованы,

не того уровня. Ёлки-палки! Коуз¹⁷ в 1937 году опубликовал статью¹⁸ про свои трансакционные издержки плохо кто помнит в каком журнале! [Реплики из зала] Ну, не в этом дело, какая разница, где опубликовано! Какая нам разница, какой журнал? А сколько истерики у нас последние 10 лет на эту тему!

Новая институциональная экономическая теория

Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон: роль институтов в экономическом развитии.

Это другая теория роста или проблема институтов, обеспечивающих переналадку институтов при росте!?

Сложность формирования инклюзивных институтов. Бесполезность советов вдруг «стать открытым обществом».

Проблема взаимодействия теорий и неравномерности развития.

Как влияет НИЭТ на решение проблемы догоняющего развития, ловушек среднего уровня развития.

Один НИЭТ на всех: от бедных до богатых, в трансформации и после войны и разгрома. Что посоветовать?

Связь роста с инфраструктурой материальной, НТП, капиталовложениями, человеческим капиталом очень разная.

Рис. 28

Понимаете, в чём дело. Снобизм экономистов, особенно доросших до чинов и премий (я не имею в виду обязательно нобелевских), понятен. Но это клановая защита. Я думаю, что понадобится работать в этой области.

Рис. 29

¹⁷ Рональд Гарри Коуз (1910 – 2013) — английский экономист, один из родоначальников нового институционализма, лауреат Нобелевской премии по экономике 1991 года «за открытие и прояснение точного смысла трансакционных издержек и прав собственности в институциональной структуре и функционировании экономики».

¹⁸ R. H. Coase. The Nature of the Firm (Природа фирмы) // *Economica*, New Series, Vol. 4, No. 16. (Nov., 1937), pp. 386-405. *Economica* is currently published by The London School of Economics and Political Science. <https://goo.su/fMuLyV>

Это рисунок Андрея Евгеньевича Шаститко: соотношение «государство – не государство» (рис. 29). Государство должно играть определённую роль, не исчезать и не чересчур!

**Колодец Развития –
все вместе вверх–2008**

Рис. 30

А это мой рисунок 2008 года, как выкарабкаться обществу из колодца (рис. 30). Идея была такая, что государство, бизнес и общество должны прижаться спинами, прижаться плотно и ползти вверх, цепляясь за скользкие бревна колодца. Вместе. Это была программа, которую мы делали в 2007 году.

Удачные кейсы

- Канал Кольбера – Волго-Балт Петра
- Уральские заводы - Транссиб
- Прусская железная дорога Бисмарка
- Индустриализация России на франко-бельгийском капитале
- Американский проект в Советской России в 1930-х
- Новый курс Рузвельта
- Ленд Лиз для СССР
- План Маршалла
- Бразильский авиапром
- ЕЭС=6
- Японская – Корейская индустриализации
- Ден Сяо Пин: «Мы переходим реку, держась за камень»
- «Минимальная зарплата» Президента Лулы 2003-2012 годы
- Ирландский бум ИТ
- Польская трансформация

Рис. 31

Удачные кейсы (рис. 31). Всё-таки что-то было и хорошее в истории. Канал Кольбера [Лангедокский канал] всё-таки со Средиземного — на Атлантику. Его, наверное, видел наш Пётр и сделал для нас полезное, хотя немножко трудоёмко, но сделал. Уральские заводы работали сто лет. Претензии к Петру, что он не ввёл у нас западноевропейский капитализм прямо через колено, — но это как-то смешно. Транссиб!

Прусские железные дороги — гениальное изобретение. Сделаны абсолютно не так, как в России, и не так, как в США. Строительство дорог просто включили в бюджет. Бюджет бисмарковской Германии в 2 раза больше по отношению к ВВП, чем у Франции, Англии и всех прочих, потому что прусские дороги просто были частью бюджета. Они подняли тарифы и начали смыкать дороги между немецкими княжествами и строить горизонтальные дороги на восток, готовясь к войне и переброске войск. Они в самом начале это начали делать.

Американский проект (1930-х) в России, курс Рузвельта, ленд-лиз, план Маршалла — понятно, удачные работы.

Бразильский авиапром. Никто, наверно, не знает, а мне рассказывал посол, глава крупного мидовского бразильского фонда, хотя у меня могут быть неточности. Когда американцы их вовлекали во Вторую мировую войну, бразильцы поставили условие: мы участвуем в войне — вы нам создаёте авиапромышленность. Поэтому у Бразилии хорошая авиапромышленность, средние внутренние самолёты. Страна большая, они летают внутри страны.

ЕЭС-6 — отличная идея. Корейская индустриализация — конечно, тоже.

Ден Сяо Пин, читайте Ден Сяо Пина! Мы недавно с девочкой третьего курса с китайским языком написали работу по капиталовложениям в Китай, скоро сделаем ещё одну. Сейчас пошли тонны работы — не читайте, вся мировая пресса взялась за Китай, как в прошлом за нас, и рассказывает, что им сейчас будет плохо. Китайцы, конечно, на это никак реагировать не будут, а мы попробуем написать, как это выглядит.

«Минимальная зарплата» Лулы — я рассказывал.

Ирландский бум ИТ начинался с либерализации, с 10% налога на прибыль в хай-теке. Вы могли прийти в Центральный банк Ирландии, сказать, что вы производите говорящие авторучки и открываете фирму. Больше вообще ничего не надо было. Теперь в Ирландии 70 тыс. долларов на душу (ППС), они обогнали англичан, и ирландцы возвращаются домой.

Польская трансформация, кстати, удачная.

Экономисты знают очень много (смотри список литературы), но нельзя сказать, что мы имеем полный корпус теорем развития.

Последнее, что могу сказать, что здесь нет нашего процесса трансформации, это отдельная история. У меня есть лекция на этот счёт, я её прочёл в Леонтьевском центре в феврале сего года, под названием «Конгруэнтность трансформации» — о том, что вы не можете это всё делать так просто.

Эпизод, о котором я хочу рассказать. Где-то в районе 2008–2009 года, когда И. Юргенс занимался всеми этими контактами, вдруг приезжает новый тогда главный экономист Мирового банка. Собирает нас человек 15–20 — Е.Г. Ясин, естественно, вся компания. И вот очень милый человек такой из Мирового банка говорит: «Знаете, у меня хорошая новость. Мы только что решили в Мировом банке, что единый рецепт развития не подходит для всех стран». После этого все вцепились в меня, чтоб я

ничего не сказал, но не тут-то было. Во мне 90 килограмм протеста, я всех отталкиваю и говорю: «Вы знаете, это напоминает визит американского генерального прокурора на кладбище, на котором похоронены казнённые в американской тюрьме. И прокурор говорит: “Ребята, извиняйте, мы сейчас пересмотрели закон, теперь за ваши преступления не смертная казнь, а от силы пожизненное”». До них в 2008 году дошло наконец, что нельзя для всех стран делать одинаковый рецепт трансформации, и они приехали сообщить нам об этом в разгар мирового кризиса!

Литература:

- Шаститко А.Е. «Институты имеют значение» vs «только (формальные) институты имеют значения», «Вопросы экономики» №12, 2019, стр. 90-110
- Шаститко А.Е. «Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм» / Вопросы экономики. 2020. №1. С. 145-156.
- Григорьев Л.М., Макарова Е. «Экономический рост и накопление после Великой рецессии: теория и эмпирика» / «Вопросы экономики». 2019. №12, стр. 24-46.
- Grigoryev L., Dz. Medzhidova “Global Energy Trilemma” RuJec #4 – 2020.
- Grigoryev Leonid “Russia in the System of Global Economic Relations” // Strategic Analysis. Delhi. 2016. № 6. (special issue: Russia in Global Affairs.) pp. 498-512.
- Bobylev Sergei, Grigoryev Leonid - in “In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS”, “BRICS Journal of Economics” (BjEc), #2, 2020, pp. 4-24.
- Григорьев Л.М., Морозкина А.К. «Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1889 – 1913», Нестор-История, М., 2021.

Литература = теория и история:

- Robert M. Solow «The last 50 years in growth theory and the next 10» Oxford Review of Economic Policy, Vol. 23, Number 1, 2007, pp.3–14
- Lucas R. E. The History and Future of Economic Growth. New York: Crown Business. 2012.
- Allen R. C. et al. “The British industrial revolution in global perspective.” – Cambridge : Cambridge Un. Press, 2009. – Т. 1.
- Barro R.J., Sala-i-Martin X. “Economic Growth.” MIT, 2004.
- Braudel F. “Civilization and capitalism, 15th-18th Century”, v. I: The structure of everyday life. – Un. of California, 1992, T. 1.
- Kindleberger Ch. & Aliber R. “Manias, Panics, and Crashes A History of Financial Crises.” 2005.
- William Easterly “The Elusive Quest for Growth”, 2001
- Д.Аджемоглу и Дж.Робинсон: «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы» (2020)

Ну, что вы хотите, в экономической науке туго, но мы — экономисты — не позволим никому её тронуть, мы будем её любить, защищать (диссертации я имею в виду), всячески холить, лелеять. Но, надеюсь, мы всё-таки как комьюнити попробуем что-нибудь придумать.

А.Н. Привалов

Спасибо, Леонид Маркович. Должен заметить как совершенно непредубеждённый слушатель, что вы скорее говорили о печальном состоянии человечества, потому что к собственно экономической науке претензии вы очень аккуратно микшировали. Мы будем защищаться по-прежнему, каждому из своих 160 студентов по-прежнему даивать бессмысленные темы. Всё будет хорошо, как и было. И я нисколько не сомневаюсь, что в этом отношении вы не ошибаетесь. В любом случае огромное спасибо, потому что, согласимся, это было очень интересно. Кто хотел бы высказаться по этому поводу?

В.С. Автономов, *член-корреспондент РАН, профессор факультета экономических наук НИУ ВШЭ, доктор экономических наук*

Спасибо. Да, действительно, выступление Леонида Марковича, собственно, было про то, что в мире есть масса интересных проблем, которыми, в общем-то, не занимается экономическая теория. И это совершенно верно. И Леонид Маркович не одинок в своей оценке, многие люди предупреждали.

В.С. Автономов

Был такой экономист Альфред Маршалл¹⁹, который в частных письмах писал, в чём, с его точки зрения, опасность применения математики в экономической науке. Маршалл был блестящим математиком, в Кембридже был вторым по уровню общего Кембриджского экзамена. Так вот, он сказал, опасность в том, что если мы поставим экономику на математические рельсы, то экономисты будут заниматься тем, для чего у них есть математика, а не тем, что нужно для человечества.

¹⁹ Альфред Маршалл (1842 – 1924) — английский экономист, один из основоположников неоклассического направления в экономической науке, глава её «кембриджской школы».

В общем, примерно так оно и получилось. А почему так получилось, это надо уже искать ответ в области социологии науки и истории науки. Несколько кратко постараюсь обрисовать. Как мы уже заметили, экономическая наука не относится к естественным наукам, поэтому сравнивать её с биологией, физикой смысла не имеет. Но тогда уже с социологией, политологией — какие та даёт предсказания, какие эта даёт предсказания. В принципе, с социальных наук спрос маленький. Почему спрос возникает? Да потому что экономическая наука заковала себя в броню из формул.

Если мы посмотрим на ведущие экономические журналы, о которых говорит Леонид Маркович, — да, в основном, это всё сочинения, математические модели с предпосылками, с выводами и так далее. В общем, да, это такая математика. Но при этом сходство чисто внешнее и наука-то остаётся социальной. Объект исследования у неё, как правильно сказал Леонид Маркович, упрямый — объект, имеющий волю, сознание, разнородный ещё какой-то. В общем, очень сложный. У атомов нет воли и сознания, у людей — есть. Поэтому, чтобы как-то этих людей загнать в доступное для науки русло, их надо сильно упростить. Надо применить абстракцию, без абстракции экономическая наука, как и всякая общественная наука, невозможна. Поэтому надо рассматривать не людей разных вообще, а людей, движимых собственным интересом. Например, людей, которые понимают, в чём заключается их интерес; людей, которые примерно, так сказать, обладают какой-то рациональностью. О них экономическая наука что-то сказать может, о других не говорит и не берётся говорить.

А если есть эти самые абстракции, они бывают разной степени. У меня есть статья «Абстракция — мать порядка», опубликованная в «Вопросах экономики», где я говорю о двух канонах в истории экономической теории. Повторяю: теории, а не науки. Экономическая наука — вещь необозримая. Как говорил в своё время Шумпетер²⁰, экономическая наука — это не астрономия, а медицина. Лор-операции и эпидемиология — это всё медицина. В экономике тоже масса всяких ответвлений, и они очень разные.

Так вот, экономическая теория, два канона. Первый и лидирующий канон действительно основан на высокой степени абстракции, на подражании естественным наукам, на том, что люди все похожи на атомы, которые подчиняются закону всемирного тяготения и пр., на абстракции экономического человека, о котором Леонид Маркович говорил. То есть на сильной степени абстракции. Плюс этого канона в том, что можно формализовать нашу науку, применить математику — это большой плюс, потому что математика позволяет гораздо тоньше рассуждать логически. Рикардо словами излагал, объяснял свою теорию. Маршалл, будучи студентом Кембриджа, прочел книжку Рикардо, перевёл её на язык диаграмм — получилось гораздо понятнее и, в общем-то, гораздо яснее.

То есть математика учит, в принципе, экономистов строго рассуждать, и это неплохо. Но при этом есть действительно такой trade-off [компромисс], как любят экономисты говорить: выигрывая в строгости, мы теряем в том, что называется *realisticness*, реалистичность. Действительно, чем сильнее наша абстракция, тем более общий наш взгляд, тем более общая наша история, а это, в принципе, хорошо. Но тем дальше мы от реальности.

²⁰ Йозеф Алои́з Шумпе́тер (1883 – 1950) — австрийский и американский экономист, политолог, социолог и историк экономической мысли.

У меня есть любимый образ, который я сам придумал для своих студентов. Предположим, у нас есть задача перевезти слона из пункта А в пункт Б по железной дороге. Предположим, вы железнодорожник, для вас вполне достаточно, если вы представите слона как куб весом 3 тонны. Это нормально. Вы рассчитаете нагрузку на ось, вы рассчитаете, в каких вагонах надо везти. Вы довезёте слона, но в каком виде — это не ваше дело. Если же вы не железнодорожник, а, скажем, «слоновод», то вам важно, чтобы в пункт Б слон доехал живым, а значит, эта абстракция вам не годится, нужен гораздо менее абстрактный подход: вам нужно какой-то корм запланировать, уход и так далее.

Вот «куб весом 3 тонны» — это примерно теория общего равновесия Вальраса²¹. Хорошая теория, она доказывает нам, что в экономике, в принципе, возможно равновесие. Хороший вывод? Хороший. Много мы с помощью этого вывода можем понять? Не очень. Например, такой феномен, как предпринимательство, понять с помощью этой теории невозможно, потому что, с точки зрения Вальраса, предприниматель — это кто? Человек, не получающий ни прибыли, ни убытка. Много мы поймем с помощью такой абстракции? Мало. Для этого нужна другая теория, меньшей степени абстракции, например, теория Шумпетера, которая в теории экономического развития понимает предпринимателя как совершенно человеческий тип с определенной мотивацией, определенным интеллектом и так далее. Не буду останавливаться на этом.

Важно то, что в одно и то же время в экономической науке могут существовать теории самой разной степени абстракции. Те, которые более абстрактны, я называю теориями первого канона. Почему первого? Потому что они задают тон, они — основа современного, так сказать, мейнстрима, который называется «неоклассика», и это, в общем, сильно абстрактные вещи. Она тесно связана с математикой, этому действительно учат во всех университетах и так далее. Но, кроме этого, есть гораздо менее абстрактные теории того же Коуза, Кейнса, Шумпетера и так далее, которые позволяют работать с какими-то отдельными конкретными интересными теориями.

Остальная часть проблемы связана со структурой экономической науки. Да, экономическая наука имеет мейнстрим в отличие от других общественных наук. В социологии его нет, в политологии, в общем-то, тоже. А в экономике есть. Есть господствующая область, направление, критерием принадлежности к нему являются Нобелевские премии, статьи в ведущих журналах, образовательные курсы в ведущих университетах и так далее. И этот самый мейнстрим меняется со временем. Когда-то кейнсианство было в мейнстриме, после 1974 года выпало из мейнстрима. Когда-то новый институционализм, Коуз и прочие, не были в мейнстриме, стали мейнстримом. Поведенческая экономика ругала неоклассику на чём свет стоит, потом интегрировалась туда.

То есть нельзя сказать, что экономическая наука такая безнадежная совсем. Не совсем безнадежная, она интегрирует в мейнстрим новые направления. Другое дело, как она интегрирует. То есть она не то чтобы их связывает органично. Нет. Органичности нет. Есть то, что называла Джоан Робинсон²² «ящик с инструментами». Вот есть у нас ящик с разными подходами — неоклассический, новый

²¹ Леон Вальрас (1834-1910) — франко-швейцарский экономист, основатель математического направления экономического анализа.

²² Джоан Вайолет Робинсон (1903 – 1983) — английский экономист и общественный деятель, представитель посткейнсианского направления в экономической науке.

институциональный, поведенческий — и мы смотрим на нашу проблему, чем её лучше решать, и выбираем, скажем, поведенческую экономику. Получается? Получается.

Выбор зависит от нашего искусства, уже не от науки, а от искусства. Искусство экономиста заключается в том, какой инструмент вытащить из ящика. А дальше уже инструмент нам диктует то, как мы будем дальше двигаться.

В общем, я мог бы долго говорить о том, как устроена современная экономическая наука, но хочу просто сказать, что без социологического понимания того, как она устроена, и того, как она меняется, трудно ответить на вопрос, почему действительно ситуация в экономике печальная, а печальная она была практически всегда. За исключением одного краткого момента после Второй мировой войны, когда благодаря синтезу неоклассики («проклятой») и кейнсианства действительно, как считается, удалось достичь некоего прироста знания, активной экономической политики, кризисы стали мельче, кризисы стали не такими глубокими. В общем, был период, когда экономистов носили на руках и даже избирали премьер-министрами и президентами, чего ни до ни после не случалось. Я на этом закончу.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Аргумент, что избирали президентом, — так кого только президентами ни избирают. Сама по себе мысль, что экономистам, может, было бы утешительно солидаризироваться с медиками, которые совершенно без тени смущения признают, что медицина — это не наука или не вполне наука, и как-то нисколько это их не печалит, представляется весьма перспективной. Но тут-то ведь хочется быть ещё и наукой тоже. Кто ещё хотел бы высказаться? Прошу вас.

Е.В. Устюжанина, *руководитель отделения макроэкономики и моделирования региональных систем ЦЭМИ РАН, профессор РЭУ имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук*

Я, наверное, сегодня единственный представитель Центрального экономико-математического института. На математиков нападают, и я могу сказать только одно: а почему вообще экономика как наука должна обладать предсказательными способностями? Почему мы должны давать рекомендации, что делать? Ведь, прежде всего, наука призвана объяснять, то, что происходит? Это я с вами, Александр Николаевич, спору.

А.Н. Привалов

Если вы правильно объясняете, то из вашего объяснения следуют разумные предсказания.

Е.В. Устюжанина

На самом деле, вспоминаем Л.Н. Толстого про эти тысячи факторов, которые влияют на то или иное событие...

А.Н. Привалов

Одно из двух. Или вы объясняете, или вспоминаете Л.Н. Толстого. Как-то одной рукой можно одно, другой другое...

Е.В. Устюжанина

Нет-нет, на самом деле, в экономике это возможно, как это ни парадоксально. Потому что это одновременно и нормативная и дескриптивная наука. У нас действительно есть достаточно много интересных теорий, объясняющих безработицу, инфляцию, равновесие и так далее. И у нас одновременно есть огромный пласт теорий дескриптивных. Сегодня почему-то упоминалась только новая институциональная теория. Я глубоко уважаю традиционный институционализм, который на содержательном уровне — Веблен²³, Коммонс²⁴ и так далее — очень много чего объясняет. Одно другого совершенно не исключает.

Е.В. Устюжанина

Но поддержать я хочу Владимира Сергеевича в том смысле, что много различных подходов и много различных теорий, поэтому говорить об экономике как некоей единой системе взглядов совершенно невозможно. Отличаем мы экономистов от неэкономистов только одним: вы умеете говорить на языке экономики или не умеете. Это как юристы мгновенно узнают друг друга, скажем так, по терминологии, так и экономисты.

Конечно, сегодняшний наш докладчик, Леонид Маркович, настоящий экономист, но, к сожалению, 99% людей, которые по телевизору вещают об экономике, даже не знают базовых экономических понятий и базовых экономических взаимосвязей. Ну, может быть, я перегнула палку, не 99, а 90%.

²³ Торстейн Бунд Веблен (1857–1929) — американский экономист, социолог, публицист и футуролог. Основоположник институционального направления в политической экономии.

²⁴ Джон Роджерс Коммонс (1862–1945) — американский экономист, представитель традиционного институционализма.

Л.М. Григорьев

Нет, они хуже. Они их не просто не знают, они их нарочно портят.

Е.В. Устюжанина

Теорию «жидомасонского заговора» никто не отменял. Но я всё-таки хочу сказать вот что. Действительно, от нас сейчас требуют всё время что-то предсказывать, строить модели, разработать какую-то концепцию, внести свой вклад и так далее. И когда ты начинаешь говорить: «с одной стороны», «с другой стороны», — понятно, что тебе отвечают.

Ещё буквально два слова в поддержку того, что говорил Владимир Сергеевич. Дело в том, что, когда я читала «Principles of Economics» (1890) Маршалла — основополагающую работу в области неоклассической экономической теории, — я вдруг увидела, что он самый настоящий институционалист. Потому что он столько много видел и столько много тонкостей отмечал, сколько не отмечали многие из тех, кто сейчас себя институционалистами называет. Но потом, к сожалению, пришли Самуэльсон, Макконнел, Брю и так далее и создали учебники для домохозяек [авторы учебников по неоклассической теории]. Вот это упрощенчество, представление о том, что допущения даже не нужно проговаривать, — это и есть самое страшное. Если мы берём блестящих экономистов-математиков, того же Виктора Мееровича Полтеровича, — что меня всегда восхищает и в нём, и в его учениках? Они всегда очень чётко оговаривают все допущения и все упрощения. Что делают другие? Они забывают о том, что модель есть упрощение, строят какую-то очень примитивную модель, а потом на её основе делают выводы.

Но ещё раз поддерживаю Владимира Сергеевича: не надо ругать экономику, это «ящик с инструментами». Но это уже Джоан Робинсон.

А.Н. Привалов

Да вообще никого не надо ругать, надо жить мирно, мы знаем. Что же до вашего замечательного сравнения с юристами, вы совершенно правы. Экономисты узнают друг друга, юристы узнают друг друга. Но люди внешнего мира юриста определяют по тому, выигрывает он процесс или проигрывает процесс. Это очень просто и совсем не требует знаний юриспруденции.

Предоставляем слово Руслану Семёновичу, прошу.

Р.С. Гринберг, *член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН, доктор экономических наук*

Ну, во-первых, я должен поблагодарить нашего главного докладчика. Мы вместе с ним учились, и я всё время узнаю что-то новое. А его проблема в том, что он почти всё знает. Дело в том, что экономическая теория имеет действительно мало отношения к тому, что рассказывал Леонид Маркович. Потому что она имеет свои собственные сферы, о которых говорила госпожа Устюжанина, — я это как раз хотел подчеркнуть. И жизнь, в общем-то, мало зависит от того, что сказали экономисты, что они предсказали. А эта установка на то, что они ошибались последние годы... Королева Великобритании, как-то собрала известных экономистов и спросила: «За что же мы вам деньги платим, чем вы занимаетесь вообще?». Все экономисты оказались чуть ли не вредителями.

Конечно, это смешно. Я даже придумал такую формулу: кто знает будущее, тот должен в тюрьме сидеть. Потому что это практически невозможно. Главное, что экономисты могут, опять ссылаюсь на госпожу Устюжанину, в лучшем случае объяснить, что происходит. А что надо делать, от них никто и не хочет ничего получать, потому что ведущие партии, которые правят страной в данный момент, в этом не нуждаются, у них есть свои комментаторы и эксперты. Это в демократических даже странах не нужно, а тем более это не нужно в странах авторитарного толка.

Р.С. Гринберг (слева сверху), **А.Е. Шаститко** (слева внизу)

То, что Владимир Сергеевич [Автономов] сказал, тоже совершенно очевидно. Каждая социальная наука не имеет больших нарративов, а экономика имеет, и это очень важный момент для жизни вообще. И сегодня, например, мы не имеем этого большого нарратива, как имели раньше. Мир, собственно говоря, похоронил две великие утопии — утопию директивного плана и утопию свободного рынка. Сегодня, судя по всему, наступает новый этап, когда должен проявиться нарратив. Я лично считаю, что этим нарративом может быть только лишь альянс — я имею в виду социальную рыночную экономику, может быть, теперь уже требуется социальная рыночная экономика вместе с экологией. Но это же тоже не является каким-то решением человеческих проблем.

Экономическая теория так или иначе развивается и имеет основания для того, чтобы гордиться собой, несмотря на гипертрофированную математику и фрагментацию. Тем не менее она развивается, я думаю, что и в России в том числе тоже, и не хуже, чем в других странах. И здесь нет никакой корреляции с экономическим ростом

или с рецессией, или со стагнацией, в которой вот уже долгое время находится наша любимая родина. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Руслан Семёнович. Насколько я понимаю и насколько можно судить по этому самому дистанционному способу общения, Андрей Евгеньевич Шаститко хотел что-то сказать.

А.Е. Шаститко, *заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор.*

Добрый день, уважаемые коллеги. Я хотел бы начать краткое выступление с напоминания о том, что 12 лет назад вышла книга, которая называется «Как экономическая наука помогает делать нашу жизнь лучше», издательство Института Гайдара. Это сборник статей, которые написали экономисты, в основном американские. И что бы вы думали, какова причина подготовки этой книги? Показать, что, вообще-то, американская экономическая наука недофинансируется американским правительством относительно других наук. То есть это такая общая проблема, потому что там собраны доказательства, что те рекомендации, которые разработаны в современной экономической науке, действительно могут приносить (и это доказано) довольно существенные выгоды, которые измеряются многими-многими миллиардами разных единиц.

А я бы хотел тем не менее обратить внимание на то, почему всё-таки экономическая наука находится, мягко говоря, не в очень хорошем состоянии. Мне кажется, что это не потому, что она такая разнородная. Мне кажется, это связано с тем, как устроен наш внутридисциплинарный дискурс. Ведь мы знаем, что есть разные варианты организации внутридисциплинарного дискурса. Один из вариантов — когда каждый сам по себе.

Владимир Сергеевич здесь говорил о том, что в экономической теории каких только школ нет. В принципе, можно себе представить, что каждая из этих школ, как в башне из слоновой кости, развивает свою теорию, не обращая внимания на то, что делают соседи, что делают собратья по экономическому цеху.

Но вполне возможен и другой вариант, когда одно направление вообще не замечает или практически не замечает, что делают другие, а другие пытаются насканивать с критикой на это направление. Думаю, что тот, кто представляет, как устроена современная экономическая наука, догадывается, что речь идёт о неоклассической экономической теории, по крайней мере в микроэкономическом исполнении. А представители этого направления лениво так отмахиваются от гетеродоксов²⁵ и говорят, мало ли чего они нам предлагают.

Но история нашей российской науки показывает, что, вообще-то, возможен вариант, когда направление и исследовательские традиции вполне себе друг друга

²⁵ Гетеродоксальная экономика — анализ и изучение экономических принципов, которые рассматриваются вне основных или ортодоксальных (общепринятых) школ экономической мысли; альтернативный взгляд на экономику. Экономисты-гетеродоксы часто используют исследовательские методы и инструменты из других дисциплин (психология, физика) для решения экономических вопросов.

замечают и идёт борьба на взаимное уничтожение. Не буквально физически, но, по крайней мере, чтобы выдворить оппонента из тех площадок, которые представляют ценность. Кстати говоря, это было, кажется, в конце XIX века, может быть, Владимир Сергеевич меня поправит: по-моему, в немецких университетах было запрещено преподавать сторонникам австрийской школы в экономической науке. Это как раз было побочным эффектом известного спора о методах.

Я думаю, что всё-таки один из вариантов продуктивного взаимодействия — это конструктивная критика тех, кто принадлежит к разным направлениям, когда все признают, что да, эти направления имеют право на существование и развитие. И я бы сказал, что это не фантастика. Есть задокументированный случай, когда представитель новой социально-экономической теории, нобелевский лауреат Оливер Уильямсон, в своей книге «Экономические институты капитализма» чёрным по белому прописал, кому он обязан в развитии своей экономической теории транзакционных издержек. Это и неоавстриец Хайек, и неоклассики Эрроу и Найт, это и традиционалист Коммонс.

Поэтому весь вопрос в том, есть ли у нас какие-то предпосылки рассчитывать на то, чтобы всё-таки взаимодействие между различными исследовательскими подходами в современной экономической теории было более конструктивным. Не уничтожительным и не критическим, когда мы критикуем не аутентичные теории, а карикатуры их теорий. Это самое-самое неприятное, когда мы придумали себе оппонента, упростили его и фактически критикуем карикатуру. Здесь, конечно, никакой путной дискуссии не получится. И вот это, на мой взгляд, может действительно демонстрировать печальную картину в экономической теории. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Прошу, Алексей Львович!

А.Л. Саватюгин, аудитор Счётной палаты Российской Федерации, профессор НИУ ВШЭ.

Спасибо. У нас дискуссия ушла чуть-чуть в другое направление. Я хотел бы вернуться и сделать небольшую реплику в поддержку Владимира Сергеевича, не Леонида Марковича, при всём уважении.

Дискуссия о том, должна ли экономика как наука что-то предсказывать, — это хорошая дискуссия и ей не один десяток лет. Особенно эта тема стала обсуждаться после статьи Милтона Фридмана «Методология позитивной экономической науки» в начале 50-х годов, то есть более 70 лет назад. Фридман, будущий нобелевский лауреат, как раз утверждал, что всё равно, какие предпосылки, все равно, какие модели, все равно, что вы закладываете в этот анализ, — главное, чтобы предсказывалось. Вот предсказываете — значит, наука.

Заявление хорошее, но спорное. Это зависит от того, что мы определяем как науку. Не каждая наука предсказывает и не всё, что предсказывает, то наука. Фридман тогда спорил с австрийской школой, которая говорила о принципиальной непредсказуемости любых социальных явлений. О том, что их нельзя предсказывать, а если ты говоришь, что ты предсказываешь, значит, ты шарлатан. И делала упор на априорном знании экономической науки.

Мизес²⁶ написал толстый трактат о человеческой деятельности, к реальной экономике он изначально в своей аксиоматике не апеллировал. Он каким-то образом выводил аксиомы, как в геометрии. Геометрия тоже имеет весьма опосредованное отношение к реальной жизни. В жизни нет ни идеальных кругов, ни идеальных равносторонних треугольников, но ни у кого язык не повернётся геометрию не назвать наукой. Или законы логики — они тоже выводятся из самих себя, а не из наблюдаемых явлений бытия.

А.Л. Саватюгин

Поэтому да, если мы берём определение Робинс про ящик с инструментами, экономика — это наука. Потому что она есть ящик с инструментами, она говорит о том, как лечить больной экономический организм. То есть может лечить. Плохо ли хорошо, но и врачи иногда тоже после лечения определяют причину летального исхода.

Если взять определение науки шумпетерское, институциональное, — да, свой язык, свой закрытый цех, свои премии, свои рейтинги, свои журналы. Непосвящённых туда не пускают, и непосвящённые даже не понимают, о чём говорят посвящённые. Это вполне наука, более того, внутри этой науки хороший финансист вряд ли прочитает хорошую эконометрическую работу. Ну и так далее. Там очень жёстко поделено.

И по поводу предсказаний. Ну, нормально предсказывает, знаете ли. Говорят, что экономисты предсказали десять из последних трёх кризисов, поэтому всё у нас нормально с экономической наукой. И не так уж печально её состояние. Просто на русском языке слово «экономика» — это и наука, и система хозяйствования; и различно

²⁶ Людвиг фон Мизес (1881 – 1973) — американский экономист, философ, историк и социолог, праксеолог, сторонник классического либерализма, внёсший значительный вклад в развитие австрийской школы экономической теории; один из основателей философии либертарианства.

обозначается на английском языке: *econometrics* и *economy*. Собственно, так же как и «история», — и как наука, и как последовательность событий.

А.Н. Привалов

Спасибо. Кто еще хотел бы высказаться? Прошу, Наталья Ивановна.

Н.И. Иванова, академик РАН, руководитель научного направления отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, профессор

Вот тут все дружно поддерживают Владимира Сергеевича и как бы получается, все не согласны с Леонидом Марковичем, основным докладчиком. Мне вспомнилась Ахмадулина, помните в посвящении А. Вознесенскому в «Моих товарищах»: «Но все ж он мой товарищ. А я люблю товарищей моих». Поэтому я буду защищать Леонида Марковича.

Н.И. Иванова, С.Н. Бобылёв (слева)

Значит, смотрите. На самом деле, мне кажется, всё, в чём мы сейчас упрекаем Леонида Марковича, он прекрасно всё это знает сам. По-моему, он не нуждается в тех объяснениях, которые мы ему пытаемся дать. Ну да, в экономике дважды два — не четыре. Но я хочу сказать о двух вещах, чтобы не растекаться мыслью по древу.

Первое, на какую мысль натолкнуло меня выступление Леонида Марковича — что у нас нет хорошей теории мировой экономики. Он правильно сказал: нет экономики, кроме мировой, но хорошей теории современной мировой экономики у нас нет — это точно. Мы сцепляем разные направления экономической мысли, используем разные экономические теории, но мировая экономика — это то прекрасное, что мы так любим, что так быстро меняется, и мы не очень понимаем, как и с какими инструментами к нему подходить.

В нашем «ящике», мне кажется, не хватает инструментов для анализа современной экономики. Хотя они появляются. Скажем, Леонтьев сделал межотраслевой

баланс для экономики как инструмент в 1924 году, Нобелевскую получил позже. А межотраслевой баланс для мировой экономики появился, по-моему, лет 10 или 15 тому назад, какие-то австралийцы его придумали, и он, кстати, работает. То есть будут появляться новые инструменты.

Сейчас уровень анализа и уровень экономической теории, описывающей мировую экономику, мировое развитие, все эти глобализации, деглобализации, — попытки регулирования через Мировой банк, какими бы они нам ни казались, но мне кажется, они делают доброе дело. Но хорошей теории у них нет. У нас нет хорошей теории переходной экономики, но она как-то формируется. Сейчас самая большая загадка, конечно, Китай — как он рванул, как преодолел бедность с этими миллиардными массами, что там происходит. У нас хорошей теории на этот счёт нет. Её нет ни у китайских экономистов, ни у американских экономистов, которые изучают процесс. Это всё в будущем.

Вопрос заключается в том, верим мы в законы экономики или нет. Экономист, мне кажется, если он называет себя экономистом, должен верить в несколько законов экономики. Хотя бы в закон спроса и предложения. У нас сейчас полно экономистов, которые даже в это не верят и строят своё регулирование на отрицании этих законов. Но здесь надо сказать (ведь Маркс нас учил), что экономические законы действуют как тенденция.

Второе, о чём я хотела сказать, что идеальной науки — науки, которая идеально всё предсказывает, вообще нет. Взять любимый физиками закон Ома про связь электродвижущей силы источника с силой тока и сопротивлением проводника. Я по специальности инженер-экономист, поэтому у меня было много лабораторий, где мы проводили измерения по закону Ома, и всегда значения получались чуть-чуть больше или чуть-чуть меньше. Он не абсолютно точно действует. Для экономистов мы говорим — вот, нам обещали...

А.Н. Привалов

Это не закон Ома неточно действует, это ваши измерительные приборы неточны.

Н.И. Иванова

Совершенно верно. И наши приборчики, которыми мы измеряем экономику, — нам обещали 1,5%, а получилось 1,2%, — это то же самое. Но ограниченность применения даже таких очень точных законов физики, которые, на самом деле, больше имеют дело с идеальными газами и все законы выведены оттуда, не мешает потом предсказывать какие-то реальные явления природы.

Вот Леонид Маркович показывал нам Йеллоустонский парк и говорил, что, если он рванёт, земле конец. Не могут физики, геофизики со всеми современными методами исследований предсказать не только, когда он рванёт, но и что будет. Геофизики научились предсказывать землетрясения. Но вероятность предсказания там 99%. Не такая уж маленькая, лучше, чем действуют многие законы экономики. Но когда речь идёт о Лос-Анджелесе, городе с 15-миллионным населением, 99% — это не уровень, им нужно больше. А они не могут сделать этот шаг. Не могут, потому что есть ограничение научного познания и в физике, и в химии, и во всех других науках.

Поэтому я закончу, может быть, на печальной ноте. Почему-то вспомнился наш известный физик Ландау, который в какой-то момент (это в 30-е годы ещё было) призвал похоронить теоретическую физику как неработающую. И, как известно, после этого он сделал большой вклад в теоретическую физику и продвинул эту науку. Его ещё, кстати, очень любят цитировать физики, что теоретическая физика заслуживает похорон по первому разряду — похороны по первому разряду отличаются от похорон по второму тем, что по второму разряду дорогами правит сам покойник. Вот мы не должны быть теми, кто правит своими дорогами, не уподобляться им. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Кто ещё хотел бы сказать? Прошу вас.

С.Н. Бобылёв, *заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, доктор экономических наук*

Я хотел бы добавить ещё головной боли. Я целиком и полностью поддерживаю Леонида Марковича, мы с ним соавторы, вместе «хоронили» «Цели устойчивого развития» в 2020 году. Но современная экономическая теория сейчас сталкивается с такими проблемами, и я лично хороших ответов не вижу, была только замечательная работа Нордхауса, Нобелевская премия 2018 года.

Давайте откроем доклады Давосского экономического форума, январь текущего года, — нобелевские лауреаты, миллиардеры, президенты, премьеры, владельцы банков и так далее. Что мы читаем? Традиционный капитализм исчерпал себя, надо строить стейкхолдер-капитализм, капитализм заинтересованных сторон. Надо создавать не просто какие-то финансовые стоимостные ценности, а sustainable value [устойчивая ценность], значит, туда должны входить экологические и социальные ценности.

Потом мы разворачиваем таблицу глобальных рисков в этом докладе — там нет экономических рисков! Есть экологические, климатические, социальные, технологические и пр. Я подчёркиваю, это экономическая элита мира. Потом вообще удивительная вещь, о которой я тоже говорю своим студентам: «Ребята, а вы знаете, что у человечества появилась количественная цель?» По Парижскому соглашению²⁷ ограничить повышение глобальной температуры в этом веке до 1,5 градуса. Практически все ведущие экономики мира поклялись стать углеродно нейтральными к 2050–2060 годам. Кстати, Россия с Китаем тоже. Вот с этим что делать? То есть экономическая наука как бы лоб в лоб сталкивается не с экологическими ограничениями, но какая-то попытка вписаться в ёмкость биосферы.

Есть такой замечательный классик экологической экономики Херман Дэйли, он во Всемирном банке работал. Он говорит, что мы сочиняли экономическую теорию, когда мир был пуст, а теперь там всё заполнено, ресурсы, народу полно, человечество продолжает расти со страшной силой. Что с этим делать — внятных ответов нет. За последние 3–4 года человечество согласилось загнать себя в углеродную

²⁷ Парижское климатическое соглашение ООН — Парижское соглашение Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), заключённое в 2015 году.

нейтральность²⁸. Подчёркиваю, все ведущие экономики мира. Вот что с этим делать — очень большой вопрос.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Кто ещё хотел бы сказать? Прошу вас.

М.В. Перов, советник директора Института Генплана Москвы

Я потребитель экономики и в этом смысле разделяю название доклада о печальном состоянии экономической науки. Потому что мне как градостроителю, проектировщику экономическая наука не даёт требуемых мною вещей, начиная с того, что нет понимания, что такое развитие вообще. Мы вынуждены конструировать это сами, потому что то, что в целях для человечества sustainable development [устойчивого развития], не имеет отношения к практическим вещам.

М.В. Перов

Мне нужно понимать, что будет через 20 лет с этим городом при таких-то исходных данных, предполагаемых в будущем. В «ящике с инструментами» всё это как-то не очень. Мне что, по ВВП всё мерить? Или по производительности труда? Классические примеры, когда один и тот же грузовик с одним и тем же грузом проезжает одно и то же расстояние, только один в Уганде, а другой в Алабаме. Да, производительность труда в Алабаме гораздо выше, но действие-то одно и то же происходит. То же самое с ВВП. Монетизируйте отношения в семье — ВВП удвоится. От этого что-то изменится? Ничего не изменится. Ровно.

²⁸ Чтобы удержать рост глобального потепления на уровне не более 1,5°C, предусмотренном в Парижском соглашении, необходимо к 2030 году сократить объем выбросов на 45%, а к 2050 году достичь нулевого уровня выбросов.

У вашего, Леонид Маркович, однофамильца Олега Григорьева²⁹ была, по-моему, достаточно интересная теория. Он понимал экономическое развитие как углубление системы разделения труда. Это во всяком случае объясняло какие-то кризисы. Я ещё раз говорю, я со стороны, я потребитель, в этом смысле я даже не любитель-экономист, но объяснения у Олега Григорьева давались. А других, может быть, я не всё знаю, не всё слышал, но я их не видел. И попадание в волны Кондратьева или та же шumpетерская фигура предпринимателя, к которому сейчас добавилось слово «технологический» предприниматель. Это как-то, по крайней мере мне со стороны, понятно. Может быть, я ошибаюсь, может быть, классическая экономика это не признает, но я-то потребитель, мне нужно то, что объясняет конкретные вещи, которые я могу заложить в проект города. Я использую то, что, с моей точки зрения, похоже на правду.

В этом смысле, наверное, какую-то теорию мировой экономики, мирового экономического развития, которое совершенно явно закончилось к 2008 году, — эту теорию нужно как-то строить, используя самые, может быть, дурацкие вещи типа промышленных революций, системы разделения труда. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Александр Семёнович, прошу вас.

А.С. Горелик, эксперт по международным организациям

Заранее приношу свои извинения, мне не очень ловко говорить, потому что я не имею отношения к экономической науке. Я дилетант в этом смысле, но парочку коротких тезисов планировал высказать, а сейчас к ним добавился третий — как предисловие.

Предисловие такое: мы, в принципе, обсуждаем печальное состояние не мировой экономической науки, а печальное состояние западной экономической науки, и говорим почему-то почти исключительно о больших именах оттуда. При этом, воспользовавшись тем, что Владимир Сергеевич начал про слонов говорить, я скажу от себя на фоне событий в «большом мире»: в этой зале есть огромный слон, но мы его как бы не замечаем.

Итак, у меня два тезиса. Первый тезис. Готовясь к выступлению Леонида Марковича, я решил бросить взгляд на то, что пишет американская «левая» часть научного сообщества, что говорит «левая» мысль. Это обычно меня успокаивает, потому что читать без конца то, что пишет так называемый мейнстрим, ничего, кроме головной боли, не приносит.

Так вот, «прогрессивисты» сожалеют (кстати, по одному из тезисов Леонида Марковича, публика таскает налево и направо один и тот же диван), что, по существу, в отношении экономических тенденций, процессов «левые» и «правые» говорят одно и то же. Они слились, они уповают исключительно на всесильность рынков и утверждают, что благосостояние выражается только деньгами.

Данные вещи, конечно, спорны. Но я совершенно согласен с этими «левыми» мыслителями, когда они говорят, что можно и нужно мерить экономические процессы

²⁹ Григорьев Олег Вадимович (1960 – 2020) — экономист, аналитик, государственный советник первого класса, руководитель «Научно-исследовательского центра „Неоэкономика“».

иначе, более широко, более комплексно. Можно экономику вообще определять не через призму ВВП, а через усилия по преодолению нищеты и неравенства. Мне понравилось определение, данное Артуром Сесилом Пигу³⁰ (для многих из вас, наверняка, это известный персонаж, а для меня — новый). Так вот он сказал: «Экономическая наука должна заниматься причинами убогости и серости состояния мира и тем, как их преодолеть».

Тут ощущаются мои любимые темы устойчивого развития, человеческого капитала, индекса человеческого развития, которые в ООН принесли скорее «левые» экономисты, прежде всего английские. И я продолжаю наивно думать, что в этом много здравого смысла. Сегодня несколько раз упоминали ЦУР — Цели устойчивого развития; их можно и нужно критиковать и, прямо скажем, они сейчас в большом кризисе. Но надо помнить, что ЦУР не экономисты и не эксперты родили, а это, в конце концов, был продукт дипломатических, политических переговоров государств. И всегда, когда государства десятками ввязываются в какой-то процесс, — жди результата в форме наименьшего общего знаменателя. Поэтому-то в ЦУР есть и провалы, и слабости, и противоречия. Но все равно как концепция, я считаю, устойчивое развитие остаётся едва ли не единственной убедительной попыткой нарисовать общее будущее для всего человечества.

А.С. Горелик

Второй тезис. Возвращаясь к нынешним стычкам американских экономистов, одно из яблок раздора — здравоохранение. Начать с того, что, как вы помните, на фоне ковида были сходь «стенка на стенку» экономистов и государственных мужей (как бороться с пандемией, на что тратить деньги), а в международном

³⁰ Артур Сесил Пигу (1877–1959) — британский экономист, представитель кембриджской неоклассической школы

плане была масса некрасивых поступков со стороны развитых государств в отношении развивающихся.

В чём-то сходная картина в американском обществе. Правительство пытается гарантировать услуги по здравоохранению для малообеспеченных. Кроме этого, оно — после реформ Обамы — субсидирует медицинскую страховку для миллионов. Одновременно действующие правила повсюду способствуют благополучию индустрии, которую теперь называют Big Farma. В результате цены на лекарства и услуги в Америке выше в 2–3 раза, нежели в странах, сопоставимых по уровню развития. Свою немалую роль играет и армия лоббистов Big Farma. Я с удивлением прочёл, что таких лоббистов приходится по 5 человек на одного члена Конгресса. Вот и выходит, что вся система крайне перекошена как раз не в сторону малоквалифицированных трудящихся. Удивительный результат всего этого состоит в том, что в ОЭСР, Международной организации экономического развития, Америка по продолжительности жизни занимает 34 место из 49.

Но это не наши проблемы, скажу я. А наши проблемы таковы.

Начиная с пандемии 2020 года госрасходы на здравоохранение США подскочили до 20% бюджета, на секундочку. Это в 4 раза выше расходов на оборону (огромнейших) и в 3 раза больше расходов на образование. Итак, 20%, 5% и, видимо, 7%.

А теперь обратимся к наброскам бюджета в России на 2024 год. Только что появившийся проект бюджета сводится к тому, что 6% ВВП планируется тратить на оборону, туда же добавляется приблизительно половина этого объёма на национальную безопасность, а ещё есть большущий кусок нераскрываемых трат. Но даже если взять только оборону и безопасность, то в сумме это в 2 раза больше, чем расходы на социальную сферу. Притом что социалка будет расти. Одним словом, это явно не «бюджет развития», о котором на днях говорил премьер Мишустин. А вот расходы на здравоохранение и образование не вырастут вообще, по существу, это секвестр. Могу ошибаться, но пока нет широкой дискуссии экономистов по поводу таких цифр. Видимо, экономической науке остаётся только развести руками и исполнить последнюю сцену из «Ревизора». Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Есть ещё желающие что-то сказать? Прошу вас.

В.А. Громов, *заместитель руководителя департамента анализа данных и искусственного интеллекта НИУ ВШЭ, профессор, доктор физико-математических наук*

Я хотел бы выступить от пререкаемой сегодня математики и, скорее, задать вопрос докладчику. В теории синергетики и самоорганизации существует такая концепция русел и джокеров. Это когда одно и то же уравнение, описывающее динамический процесс в одной области пространства, так называемые русла, ведёт себя следующим образом. Оно, по сути, сводится к конечному числу переменных и им легко управлять с помощью конечного числа параметров и описывать конечным числом теорий.

А в области джокера — на то он и джокер — просто невозможно конечное число переменных, соответственно, невозможно конечное число управляющих параметров, ну и, соответственно, невозможно конечное число экономических теорий.

У вас не сложилось впечатление, что мы последние 5 лет или 3 года перешли в область джокера? Ну, вот все бывшие теории не работают. Я почему задаю этот вопрос, потому что к нам периодически прибегают коллеги из банковской сферы, из экономики. У них в некоторых случаях просто катастрофа, их модели, с помощью которых они выдавали кредиты, принимали решения, всё было благостно, — в какой-то момент просто перестали работать. Спасибо.

В.А. Громов

А.Н. Привалов

Тогда, если вы позволите, мы ответы отнесем на финальное выступление Леонида Марковича. Вам, Леонид Маркович, пора реагировать на услышанное.

Л.М. Григорьев

Да, спасибо, буду стараться соответствовать. Конечно, у меня есть свои ответы на все вопросы. Я начал с того, что пытаюсь не закрыть ящик Пандоры, а открыть его, это раз. И, кажется, потихонечку начало действовать. Я попытаюсь пробежаться по вопросам. Во-первых, давайте разберёмся с предсказаниями. Модельное предсказание какой-то величины, параметра на каком-то разумном горизонте, краткосрочном, как-то делается. И даже инерционное как-то делается. Все прогнозы стоят на гипотезах в рамках сложившихся прикладных исследований и стилизованных фактов. Но даже тектонические плиты движутся — надо учитывать сдвиги в реалиях.

Поэтому понимаете, я всю жизнь занимаюсь кризисными циклами. После аспирантуры в 1971 году я попал в сектор Энтова [Револьд Михайлович, академик РАН] первым сотрудником, первым в порядковом номере. И первый кризис, который мы описывали «онлайн», был кризис 1973–1975 годов. Мы описали его довольно подробно в 1976 году, в 1978 издали книжку. Так я из этого и не вылезаю. У меня группа гениальных студентов, которые, не могу не похвастаться, не иссякают... Вот вышла статья в журнале МГУ «БРИКС»³¹ на английском по капиталовложениям в Китае. Мы разобрались, как они крутятся с капиталовложениями по отраслям последние 15 лет — и крупным, и внутри обрабатывающей промышленности. То есть там видно, где план, а где реакция на рынок.

У китайцев купили справочник за 10 долларов, 980 страниц. Девочка с китайским, студентка 3-го курса, сдала мне курсовую 25 апреля, а я с ней — в журнал, 20 июня выходит статья, 26-го у неё экзамен по курсу экономики Китая. Мы с ней к весне выложим большую работу по Китаю, разберёмся с проблемой его замедления — возможно, это просто новая норма.

В реальности мировая экономика, — отвечая моему другу по ИМЭМО Наталье Ивановне Ивановой, с которой мы вместе работали, — конечно, мировая экономика очень своеобразна. Когда нам нужно сделать самый короткий и легко узнаваемый вариант, как я показывал по выбросам CO₂, не надо мучиться с одним рецептом. Вы рассматриваете отдельно Китай, потом развивающиеся страны без Китая, потом США и развитые страны без США. И примерно получаете нормальное описание тенденций — и кризисных, и структурных сдвигов. Но там же огромное многообразие! Вот сейчас, например, идёт небольшая рецессия в Германии, которую они сами на себя навлекли. Рецессия в Англии. А в США низкие темпы роста, при этом нет безработицы — значит, что-то с наймом в услугах скорее всего.

Это нормально для мировой экономики. Там нет и никогда не было простых решений. Послевоенный рост был связан с очень специфическими вещами, особенно в Штатах, потому что они всё ещё выходили из хвоста Великой депрессии 30-х годов и за годы войны колоссальный объем зарплат превратился в сбережения. Поэтому был колоссальный избыток сбережений и колоссальный избыток спроса во всём мире. Да они ещё создали план Маршалла — все забывают, что это не просто деньги дали, а дали деньги на покупки в США.

³¹ «BRICS Journal of Economics» — англоязычный журнал, издаваемый на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Когда говорят про план Маршалла для каких-то других стран — это очень специальная вещь. И это были золотые времена, когда созданные технологии, подтянутые во время войны под военные нужды, были переключены с самолётов, например, на автомобили. Японская автомобильная промышленность, она ж откуда взялась-то? Это же авиационные заводы. Ну, качество только довели до уровня. Самолёты были хорошие, а автомобили сначала плохие. Часы продавали тоннами, ввели пооперационный контроль — часы стали хорошие.

Поэтому экономика, конечно, решает кучу задач, когда всё более-менее понятно.

Конечно, очень важно соображение, что исчезли серые, пустые неизвестные зоны. Действительно, все ресурсы пересчитали со спутника. Все деньги Citibank пересчитал давно, он знает все сбережения по странам. Все перетоки известны. Практически известно, что куда и как переезжает. Плюс появляются общие цели. Программа ЦУР, 2015 год, слабо сделана конечно, но просто не было ни на что сил ни теоретических, ни практических. Но это хотя бы постановка совместного решения плохими средствами плохого управления, да ещё в раздразе.

Просто развитые страны хотят это сделать на своих условиях. Я напомним, для простоты возьмём Швецию, где у них есть девиз, которая всех запугала с выбросами. Если считать выбросы по потреблению, а не по производству, то в процессе потребления 60% выбросов Швеции — это импортный CO₂. Где-то 40% — во Франции и так далее. То есть принципиально счёт выбросов в мире идёт по месту производства. А потребление? Мы где-то примерно 1% мировых выбросов экспортируем. Это игнорируется вообще, хотя все об этом знают. Корреляция выбросов идёт по уровню ВВП на душу, то есть по потреблению, а не по производству. Все об этом знают, но это вообще не обсуждается.

Помню совещание в Милане где-то в 2015 году, когда шли реформы по энергетике, на которое приезжал чиновник из Брюсселя. Представители компаний меня и подзуживают: «Леонид, тебе терять нечего, скажи этому брюссельцу, что это полный идиотизм». Все эти реформы все компании всегда не любили и считали ненормальными. Не просто, потому что бизнес, а они понимали пределы. А попытка гигантскими затратами, политическими и так далее сократить 8% выбросов ЕС за счёт расхода триллионов денег (которых, правда, не видно), когда в это время в развивающемся мире люди проводят первичную индустриализацию, им нужно асфальт положить, здание поставить, железку провести...

За то время, что Европа боролась за снижение выбросов, снизила там на процент-другой — вы видели график — за это время выбросы удвоились. Какие +1,5 градуса к 2100 году! Нету уже 1,5 градуса — теперь 2 градуса или больше. Эта игра проиграна в 2020–2022 годы. Все расчёты у нас есть в лаборатории экономики климата, эти прогнозы мы умеем делать. Голландцы начинают строить объездные дороги в море, на 10 метров поднимают. Нет-нет, уже нет шансов на так называемый mitigation [смягчение], это теперь adaptation [приспособление]. То есть человечество действительно стоит перед проблемой изменения образа жизни.

Я сейчас только из Дербента вернулся. Дербентская стена заходит на 300 метров в Каспийское море. Так она была на суше, это просто море поднялось. А Средиземное море, когда было нормальным, так пешком ходили из «сапожка» Италии в Тунис через Сциллу и Харибду, одна нога на Сциллу, другая на Харибду. И Босфор был перекрыт,

перекрывало Гибралтарский пролив, а когда Гибралтар перекрывает, представляете, что происходит? Там получается настолько мало воды, что высыхает мгновенно Средиземное море. Там ужасная, кошмарная перегретая долина, а потом всё прорывается с землетрясением. Представляете, до сих пор фильм никто не снял про атлантический вал, вливающийся в сухую посудину...

А.Н. Привалов

Вы ушли не в свою тему. На этом фоне бедная экономика вообще...

Л.М. Григорьев

Да, сейчас. Я хочу сказать, что у человечества действительно есть общие цели, которые нельзя выполнить при раздразе и при попытке максимизации по кусочкам. Мы фактически стоим перед проблемой глобальной промышленной политики. Но попытка решать задачи глобальной промышленной политики с помощью либеральных разрозненных методов... Ну, ребята, это, скорее всего, не получится.

Теперь по конкретным вещам. Когда я говорил о больших ошибках, то прежде всего имел в виду макроэкономику. И я вам должен сказать, что стоимость ошибки Гринспена, который во время экономического подъёма 2002–2003 года, желая поддержать, видимо, выигрыш выборов в 2004 году (что, кстати, получилось), взял и понизил ставку после этого дела и создал вот такой пузырь. Но надо понимать, что было два человека, которые учли второй фактор этого кризиса — моргиджи [ипотека]. Это был Рубини и Шиллер [Роберт Джеймс, американский экономист], который получил нобелевку. Рубини просто из другой сферы, а то бы и ему дали. Надо было дать вместе. Кризис 2008 года случился из-за комбинации этих двух факторов: макрополитики и политики закладных. А в основе была очень простая вещь — популизм.

Что произошло с моргиджами? Задолго до президента Обамы с медстраховками, началось это при Клинтоне и потом при Буше-младшем, они решили, что они такие богатые, что надо помочь бедным получить квартиру. И придумали гибридную закладную, то есть первые 3 года — низкая фиксированная ставка. А ставки были низкие в это время. Поэтому они начали раздавать огромное количество моргиджей даже тем, кто не мог, по сути, платить. Моргидж можно брать с платежом в размере 20% зарплаты, сколь-нибудь объёмной. Это американская внутренняя норма.

Они раздали кучу моргиджей, прошло 3-4 года, моргиджи перешли из фиксированных в плавающие. В это время процентные ставки одновременно на подъёме подскочили — это были примерно 2004–2005 годы — и моргиджи стали неподъёмными. У них обанкротилось, на память, 4 млн домов, это 2006-2007-2008 годы. Кстати, кризис моргиджей длился и с 1927 года по 1929-й.

Это же научные ошибки — и Гринспена, и с моргиджами. Два президента, все полны заботой о людях. Они выдают каким-то студентам квартиры с платежом 200–300 долларов в месяц. Ну, хорошо, 200 долларов в месяц в течение 3-х лет, а потом всё подсакивает до 400–500, и они не могут платить. Это абсолютно конкретные ошибки. Сейчас ещё не добрались до уважаемого Бена Бернанке. Бернанке «раскопал» Великую депрессию, ввёл «количественное смягчение», вытаскивал постепенно

всех из кризиса 2010 года. И на базе его работ была проведена грандиозная операция залива деньгами во время коронавируса.

Напомню, вряд ли кто-то серьёзно наблюдает процессы — кстати, к вопросу о мировой экономике. Я вынужден всем этим заниматься, потому что у нас все студенты с английским языком и по 20–30 студентов — с арабским, японским, китайским, португальским, итальянским, испанским, немецким, французским языками. Мы же всё покрываем.

В кризис 2020 года не было падения курсов акций и не было роста банкротств. Упали банкротства посреди кризиса. Красота? Красота. Но при этом какой разрыв в подходах стран внутри ОЭСР: американцы всех увольняют и платят уволенным; Европа и мы платим фирмам, чтобы не увольняли сотрудников. Это совершенно разные способы подхода, это не единая теория. Поэтому мы можем написать теорию мировой экономики, и это будет очень толстая книга: разнородность стран, разнородность статистики и её ненадёжность.

У нас в Вышке защищаются люди, в пятёрке диссертационного совета есть люди с PhD, всё проходит нормально, все сдают, все соответствуют. Но выявилось совершенно ясно, что требования эконометрики к статистике ничем не помогают в решении проблем. А разница, вот так посчитали, абсолютно не наблюдаема в результате. Одна из моих студенток-аспиранток, зная, какие могут быть к ней вопросы, раздала членам совета по бумажке в руки, где показала, что считай так или считай иначе — результат будет один и тот же. И она переубедила!

Короче говоря, мировая экономика — объект очень интересный. Заниматься им безумно интересно и придётся модернизировать. Никакие любимые гуманитарии или физики нам не помогут, придётся самим выкарабкиваться. Наука уже знает про жизнь на Марсе! Но надо признать, что большие, крупные проблемы человечества экономическая наука в данный момент не решает. Наука пока не в курсе дела!

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Буквально несколько слов в завершение. Я, наверное, неправильно представлял себе тональность высказываний нашего основного докладчика, поэтому собирался в конце заступаться, что, мол, не так всё печально. Теперь я буду делать ровно обратное, потому что из всех авторитетов, на которые ссылались сегодня и докладчик, и выступавшие, мне оказалась ближе всего покойная Елизавета Георгиевна Виндзор [Елизавета II, королева Великобритании — ссылка на выступление Р. Гринберга], которая спросила: «А за что вам, собственно, деньги платят, ребята?» — это же замечательно! Ящик с инструментами, говорите? Очень хорошо. Так расскажите, что будет, если вот этим инструментом ковырнуть, а что будет, если тем. Но вы же этого рассказать не можете, как мы только что слышали в заключительном слове.

Так что мир несовершенен, и в этом смысле экономическая наука полностью соответствует нашему миру.

Большое всем спасибо, всего доброго!

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 125

Печальное состояние мировой экономической науки.
Доклад профессора НИУ ВШЭ Л. М. Григорьева и обсуждение темы

Редактор выпуска *Наталья Румянцева*

nikitskyclub@moex.com

www.nikitskyclub.ru